

**Часть шестая. ДРЕВНИЙ
ХОРЕЗМ**

**С. П. Толстов, доктор
исторических наук, лауреат
Сталинской премии**

С. П. Толстов

ДРЕВНИЙ ХОРЕЗМ

В сказочной стране

Мне трудно забыть впечатления того дня, когда наша экспедиция впервые прибыли в совхоз Гульдурсун, расположенный на краю пустыня, в 26 километрах к северо-востоку от тогдашней столицы Кара-Калпакии — города Турткуля.

Уже за много километров до Гульдурсуна на северо-восточном горизонте, над густой зеленью садов, над живописными «курганцами» колхозников возник могучий силуэт одной из крупнейших средневековых крепостей Хорезма — Большого Гульдурсуна. Чем ближе, тем величественнее разворачивалась панорама этой некогда грозной твердыни, молчаливым стражем стоящей на рубеже пустоши и цветущих орошенных земель правобережного Хорезма. Нетронутый веками, рисовался на вечернем небе бесконечный двойной ряд далеко выдвинутых вперёд башен.

Дорога в Гульдурсун сама по себе привлекала воображение. Уже скоро стало ясно, что это не простая дорога: путь лежал по широкому сухому руслу мёртвого древнего канала, тянувшегося параллельно современному арыку Таза-Баг-Яб и затем, разветвляясь, с двух сторон охватывившего развалины крепости. У подножья развалин с одной стороны раскинулись правильные ряды миниатюрных, по сравнению с мертвым гигантом, построек совхоза, а с другой — над пространством полей го там, то здесь поднимались бугры разрушенных временем и людьми средневековых усадеб — остатки некогда богато заселённого «рустака» (земледельческой округи) Гульдурсуна. Ещё дальше к западу, за руслом древнего канала, четко рисовался прямоугольник стен и башен средневекового замка Малый Гульдурсун, за которым все дальше и дальше тянулись поля и сады, наступающего на пустыню колхозного Хорезма.

Грандиозные развалины Гульдурсуна овеяны легендами и сказаниями. Ещё недавно в народе ходили поверья, что это — проклятое место, что в крепости скрыт подземный ход, охраняемый драконом, что всякий, кто попытается искать неисчислимы сокровища Гульдурсуна, должен погибнуть.

Местный уроженец, молодой кара-калпакский учёный У. Кожуров, рассказал нам слышанное им в детстве сказание о «Гюлистане» — «Цветнике роз». По преданию, это был богатый город с цветущей, изобилующей водой округой. Городом правил старый падишах, имевший красавицу-дочь по имени Гульдурсун. И счастливый город постигла беда: из пустыни пришли полчища калмыков, разрушая все на своем пути. Калмыки опустошили цветущие поля и сады и плотным кольцом охватили город. Мужественно оборонялись жители, и враги были не в силах преодолеть их сопротивление. Прошли месяцы, и на помощь завоевателям пришёл ещё более страшный враг — голод. Иссохли запасы. Люди умирали на улицах. Поредевшие защитники с трудом держали оружие в ослабевших руках. Созвал тогда падишах на совет своих вельмож и полководцев. И нашелся среди них один, предложивший испытать последнее средство спасения. Это был хитроумный план. Осаждённые гюлистанцы тайно привели во дворец лучшего из сохранившихся ещё нескольких быков, досыта накормили его последней пшеницей из царских закромов и выпустили за городскую стену.

А от голода страдали не только осаждённые, но и осаждавшие. Опустошив округу, калмыки за многомесячную осаду съели все, что можно было съесть, и в лагере их начали поговаривать о неизбежности снятия осады. Голодные калмыки поймали и убили быка, и, когда увидели, что желудок его набит отборным пшеничным зерном, пришли в смятение: «Если они скотину так кормят, какие же ещё у них запасы! — кричали воины. — Осада безнадежна, город неприступен, надо уходить, пока мы не умерли с голода».

Так решили и военачальники калмыков, и в лагере начались сборы в обратный поход.

Но иначе решила дочь падишаха — Гульдурсун. Много месяцев наблюдала она со стен за предводителем калмыков, молодым красавцем, смелым витязем — сыном калмыцкого царя. В сердце её вспыхнула неудержимая страсть к предводителю врагов её народа. И когда увидела она, что хитрость осаждённых удалась, что над лагерем врага стоит рёв нагружаемых верблюдов, одна за другой исчезают свертываемые бесчисленные юрты калмыков, что не пройдёт и нескольких часов, как они уйдут и навсегда уйдёт с ними красавец-царевич, свершила она недостойное дело: с преданной служанкой послала она калмыцкому витязю письмо, где описала свою страсть к нему и выдала тайну гюлистанцев. «Подожди ещё один день, — писала она, — и ты увидишь сам, что город сдастся».

Калмыки развьючили своих верблюдов, и вновь в ночи загорелись бесчисленные лагерные костры. И когда на рассвете гюлистанцы увидели, что враги ещё теснее охватили город, что не увенчалась успехом их хитрость, они пришли в отчаяние, и умирающий от голода город сдался на милость победителя.

Город был разграблен и сожжён, жители частью перебиты, частью уведены в рабство. Предательницу Гульдурсун привели к царевичу. Он взглянул на неё и сказал: «Если она из-за недостойной страсти к врагу своей родины предала свой народ и своего отца, как же она поступит со мною, если кто-нибудь другой пробудит её страсть? Привяжите её к хвостам диких жеребцов, чтобы не смогла она больше предать никого».

И разорвали кони тело Гульдурсун на мелкие части и рассеяли его по полям. И от проклятой крови предательницы запустело это место и стали звать его не Полистан, а Гульдурсун.

В этом трагическом сказании есть зерно исторической истины. В преданиях народов Средней Азии под именем калмыков — грозных завоевателей XVII–XVIII веков, огнём и мечом прошедших по Казахстану и северной части Средней Азии, — сплошь и рядом скрываются ещё более свирепые завоеватели XIX века — монголы Чингис-хана. И именно в дни монгольского нашествия оборвалась жизнь в стенах и на полях Гульдурсуна, вновь расцветающего в наши дни.

С естественным нетерпением, едва закончив разгрузку каравана экспедиции, мы двинулись на развалины. Пройдя через мрачный лабиринт предвратных оборонительных сооружений и пересекши огромное внутреннее пространство, покрытое заросшими кустами и занесенными песком буграми разрушенных построек, по крутому песчаному склону мы взобрались на северную стену, и отсюда, с пятнадцатиметровой высоты, перед нами открылась грандиозная, незабываемая панорама древнего, покоренного пустыней Хорезма, перед которой померкло ещё недавно столь яркое впечатление от гульдурсунских развалин. Впереди нас, разливаясь необозримым морем на запад, на восток и на север, лежали мертвые пески. Лишь далеко на северном горизонте сквозь дымку дали рисовался голубоватый силуэт Султан-Уиздагских гор. И повсюду среди застывших волн барханов, то густыми скоплениями, то одинокими островками, лежали бесчисленные развалины замков, крепостей, укрепленных усадеб, целых больших городов. Бинобль, расширяя кругозору открывал все новые и новые руины, то казавшиеся совсем

близкими, так что можно было видеть стены, ворота и башни, то отдалённые, рисующиеся нечеткими силуэтами.

Пустыня, окружающая оазис Хорезма с запада и востока, — странная пустыня. Между тяжелыми грядами песков, среди гребней барханных цепей, на вершинах пустынных пестрых скал отрогов Султан-Уиздага, на обрывах Устюртского Чинка, на плоских розоватых поверхностях такыров — повсюду на площади в сотни тысяч гектаров мы встречаемся со следами человеческой деятельности. Это двойные линии обветренных бугров, пунктиром тянущиеся на десятки километров, — остатки обочин древних магистральных каналов, шашечный рисунок оросительной сети на такырах. Это покрывающие такыры на протяжении десятков квадратных километров бесчисленные обломки керамики, то красной гладкой и звонкой, то грубой красновато-коричневой, то многоцветной поливной, фрагменты меди, железа, наконечники древних трехгранных бронзовых стрел, серьги, подвески, браслеты и перстни, среди которых можно нередко найти геммы с изображением всадников, грифонов и гиппокампов, терракотовые статуэтки мужчин и женщин в своеобразных одеждах, фигурки коней и верблюдов, быков и баранов, монеты с изображением царей в пышных уборах на одной стороне и всадников, окруженных знаками древнего алфавита, — на другой. Это остатки древних жилищ, поселений, городов.

Иногда это лишь слабые следы на блестящей поверхности такыра — остатки плакировок древних жилищ, красноватые кольца некогда врытых в землю и срезанных в уровень с такыром пуфосов — хумов. Иногда это целые мертвые города, селения, крепости, замки, развалины целых, некогда населенных районов. Постройки их возвышаются на 10–20 метров над руслами сухих, развеянных ветром и занесенных песком каналов. Величественны их суровые стены с узкими щелями стреловидных бойниц, грозные башни, круглые и стрельчатые арки порталов.

Помню, однажды, после тяжёлого перехода через пески, я со своими спутниками — рабочим казахом С. Урюмовым и фотографом Е. А. Поляковым — вышел на пространство Анγκα-калинских такыров. У ног наших верблюдов, у подножья пройденных песчаных холмов, расстилалась гладкая глиняная равнина, покрытая багряной россыпью античной керамики. А над ней поднимался квадрат серовато-розовых сырцовых стен, покрытых частыми, высокими щелями стрельчатых бойниц с прямоугольными башнями по углам и посередине пролетов.

Крепость, простоявшая больше полутора тысячелетий, казалась покинутой только вчера.

Наш маленький караван прошел между мощными пилонами ворот, внутри прохода которых тоже глядели настороженным взглядом темные щели бойниц, и вышел на гулкую площадку двора. Такыр двора, растрескавшийся многогранниками, в щелях между которыми зеленели ростки пустынной растительности, казался вымощенным булыжником. Я поднялся по песчаному откосу на стену и пошёл узким коридором стрелковой галереи, спугнув по дороге нашедшую здесь убежище степную лисицу.

Малиновое пламя заката, охватившее западную половину горизонта, предвещало разразившуюся на следующий день песчаную бурю. И там, на западе, за тяжелой грядой пройденных нами песков, в багряное море зари врезались черные силуэты бесчисленных башен, домов, замков. Казалось, это силуэт большого многолюдного города, тянущегося далеко на север, где темнеет абрис суровых хребтов Султан-Уиздага, замыкающий с севера горизонт.

Но мёртвая тишина пустыни, предгрозовое молчание песков окружали меня. Этот, созданный некогда трудом человека, мир был мёртв. Замки и крепости, города и жилища стали достоянием воронов, ящериц и змей.

Это ощущение сказочности, призрачности окружающего, забываемое в разгаре работ, в оживлении экспедиционного лагеря, неизменно выступало в дни одиноких разведок. Когда я целыми днями бродил один по такырам мёртвых оазисов Беркут-Калы и Кават-Калы, нанося развалины на планшет, нередко это ощущение становилось особенно острым. Дома и замки VIII–XII веков стояли почти не тронутые временем. Гладкая поверхность такыров зеленела эфемерной растительностью. Повсюду до горизонта поднимались среди песков силуэты построек. Казалось, что ты затерян в каком-то заколдованном царстве, в мире миража, ставшего трёхмерным и материальным. Но сказку надо было сделать историей. Надо было прочесть глиняную летопись мертвого Хорезма.

О древнем Хорезме мы знали очень мало, почти ничего. До нас дошли ничтожные сведения о периоде, предшествовавшем здесь арабским завоеваниям. В годы жестоких битв и порабощения Средней Азии арабами (в VII и VIII веках) погибло многое из сокровищ древней цивилизации. Погибли и древние исторические хроники Хорезма, сожженные арабским полководцем Кутейбой, покорившим Хорезм в 712 году.

Великий хорезмийский учёный рубежа X и XI веков Абу-Райхан ал-Бируни сообщает нам в своей книге о летоисчислениях древних народов:

«И всеми способами рассеял и уничтожил Кутейба всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их предания, всех учёных, что были среди них, так что покрылось все это мраком и нет истинных знаний о том, что было известно из их истории во время пришествия к ним ислама».

А нам было важно узнать именно то время, которое предшествовало нашествию арабов и приходу ислама.

Нам нужно было узнать, какой был строй в эпоху до арабских завоеваний, какая была письменность, как были развиты ремесла, искусства; как было развито земледелие, какие были культурные связи с другими странами Передней Азии.

Буржуазные историки много говорили о благотворном влиянии арабской культуры на развитие среднеазиатской цивилизации. Так ли это? Действительно ли были благотворны походы чужеземных захватчиков, огнём и мечом прошедших по цветущим землям Средней Азии?

Исторические данные говорят нам о том, что в начале XII века Хорезм стал центром величайшей империи Востока, распростёршейся от границ Грузии до Ферганы и от Инда до Североаральских степей. События его истории оказываются в центре внимания восточных источников. Этот головокружительный подъем до того почти неизвестной, расположенной на окраине мусульманского мира, страны производит впечатление совершенной неожиданности.

Какова же роль Хорезма в древней истории Среднего Востока?

Страницы потерянной книги, уничтоженной Кутейбой, могли восстановить только археологи. Перед нами был блестящий пример. Все мы знаем, что еще в начале XIX века было мало известно о древней истории Египта, Вавилона, Ассирии. Наука фактически ничего не знала о таких могущественных государствах древнего Востока, как Хеттское, Митаннийское, Урартийское.

Та обширная глава всемирной истории, которая сейчас является достоянием каждого грамотного человека, почти целиком обязана своим созданием упорным археологическим работам, которые

развернулись на Ближнем Востоке в XIX столетии и с успехом продолжают в настоящее время.

По следам археологов, опираясь на добытые ими материалы, двинулась армия филологов различных специальностей. Возникновение этих специальностей было бы невозможно без успехов археологии.

Только на основе поистине титанической, невероятно трудоемкой и сложной черновой работы археологов оказалось возможным создать грандиозную картину древневосточной истории, без учета которой теперь немислимо понять общий ход всемирно-исторического процесса.

Мы знаем вместе с тем, сколько трудностей, ошибок и разочарований было на этом пути, сколько точек зрения было выдвинуто по каждому, часто самому мелкому вопросу, сколько гипотез было отброшено и сколько, после всего, что было сделано, осталось неясного, спорного, неисследованного.

Наша задача состояла в том, чтобы, проникнув в заколдованное царство древнего Хорезма, рассмотреть за фантастическим покровом очертания исторической правды, научиться читать своеобразную глиняную летопись мертвых городов. Задача была далеко не лёгкой. Немало лет прошло, прежде чем место первоначальных определений и опытов исторического осмысления отдельных фактов заняла хотя далекая от полноты, но все же связная в своих общих очертаниях картина исторического развития хорезмийской цивилизации.

На землях древнего орошения

Мы были не первыми советскими археологами, посетившими развалины древнего Хорезма. В 1928–1929 годах в районе развалин средневековой столицы хорезмшахов — Ургенча (ныне городок Куня-Ургенч в Ташаузской области ТССР) работала экспедиция А. Ю. Якубовского, давшего первое научное описание ургенчского комплекса архитектурных памятников.

В 1934 году в Ташаузской области ТССР, на развалинах средневекового Замахшара, работала экспедиция М. В. Воеводского. Однако обе экспедиций затронули лишь средневековые слои этих памятников. Древнего, домусульманского Хорезма впервые коснулась

экспедиция ташкентских археологов Я. Гулямова и Т. Миргиязова, раскопавших в 1936 году зороастрийский могильник середины I тысячелетия нашей эры на холме Кубатау, близ Мангыта.

В 1937 году Я... Гулямов возобновил свои работы на «землях древнего орошения» южной Кара-Калпакии. В том же году и в том же районе приступила к работам наша экспедиция.

Выбор этого района был не случаен. Задача состояла в том, чтобы выйти за пределы культурной полосы, в глубь пустыни, где можно было рассчитывать найти пощаженные временем и человеком памятники наиболее глубокой древности. Этому учил нас и опыт экспедиций начала нашего века в восточный Туркестан.

«Земли древнего орошения» — обширные районы пустыни, несущие следы ирригации и изобилующие развалинами, — были известны в Средней Азии и в частности в окружающей Хорезмский оазис части Кзыл-Кумов и Кара-Кумов уже достаточно давно. Их отмечали многочисленные путешественники. Значительная часть их была нанесена на географические карты. Самое происхождение этих земель, причины их запустения давно волновали не только историков, но и географов и геологов. Они составляли одну из историко-географических загадок древней Средней Азии. Каких только теорий по этому поводу не выдвигалось! Одни объясняли это изменением течения рек, другие — неотвратимым наступлением лесков и якобы порожденным самой ирригацией засолением почв и, наконец, общим катастрофическим «усыханием Средней Азии».

Но всё это были лишь домыслы, по существу ничем не обоснованные, ибо не только причины, но даже время запустения этих земель оставались неизвестными. Решающее слово принадлежало историкам и археологам, и это составляло большую самостоятельную исследовательскую задачу, определившую в числе прочих наш выход в пустыню.

О «землях древнего орошения» Юго-восточной Кара-Калпакии мы имели некоторые исторические сведения. Они позволили нам предположить очень раннее запустение этих земель. Нам было известно, что до X века правобережье южного Хорезма было центром древнего Хорезмийского царства. Здесь лежала домусульманская столица страны — город Кят. Но в конце X века центр политической жизни страны перешел в Ургенч, и с тех пор эта территория отступает на второй план и явно приходит в упадок. Резиденции древних хорезмшахов — замок Филь, или Фир, — была смыта Аму-Дарьей в 997 году. В XII веке арабский географ Сам'ани сообщает, что некоторые

города правобережья лежали в развалинах и площадь их распахивалась. А в XIV веке знаменитый арабский путешественник ибн-Батута по дороге из Кята в Бухару, т. е. как раз на территории южной Кара-Калпакии, не встретил ни одного селения, в то время как в левобережном Хорезме, в особенности в Ургенче и его округе, в дни ибн-Батуты жизнь ещё была ключом.

Множество памятников, сохранившихся между Гульдурсуном и Султан-Уиздагскими горами, дало нам основание предполагать, что именно здесь больше всего шансов найти нетронутые временем памятники домусульманской эпохи.

В 1938 году наша экспедиция развернула большую работу по раскопкам памятников древнего Хорезма домусульманской эпохи.

Первым объектом раскопок был избран замок VIII века Тешяк-Кала, великолепно сохранивший свой внешний облик. Этот замок был свидетелем арабского завоевания Хорезма. С базы в Тешик-Кала была проведена разведка наиболее удаленной в глубь пустыни цепи развалин — Кой-Крылган-Кала, Ангка-Кала и др.

Ещё в разгаре раскопок наше внимание привлёк рисующийся на восточном горизонте своеобразный, не похожий на окружающие замки VII–VIII веков силуэт крепости, потонувшей в море песков. Мы подолгу рассматривали его в бинокль и обменивались догадками. Над грядами тяжелых барханов поднимались замыкающие полосу стен трапециевидные очертания угловых башен крепости, навевавшие ассоциации с памятниками классического Востока. И как только выдался более или менее спокойный день на раскопках, мы с фотографом Е. Поляковым и верблюдоводом Сансызбаем Урюмовым вышли на верблюдах по направлению к загадочным развалинам.

Переход был крайне тяжёлым. Путь лежал через ряды огромных, грозно вздыбленных грив барханов. Гребни их, по которым осторожно шагали наши верблюды, отвесно срывались в провалы глубоких «уев» — котловин выдува. На лежащем глубоко под нами дне этих котловин ветер крутил вихри сверкавшего блесками слюды черноватого песка.

В море барханов утонули развалины — их не было видно ни сзади, ни спереди, но наш проводник уверенно вёл нас извилистым путём, то огибая «уи», то поднимаясь по песчаным склонам. И вдруг с гребня одного из барханов перед нами неожиданно открылась широкая площадь такыров, покрытых россыпью багряно-красных черепков. Над такырами поднимались причудливые очертания развалин

странной крепости, не похожей на все то, что мы видели до сих пор. До цели нашего путешествия было ещё далеко. Этой крепости (как мы потом узнали, это была Кой-Крылган-Кала) не было видно башни замка Тешик-Кала. Полуразрушенные стены восемнадцатигранной цитадели были окружены правильным кругом почти сравненной с землей внешней стены с остатками девяти башен. Грани стен цитадели, сложенные из огромных квадратных сырцовых кирпичей, поднимавшиеся местами на 5 — 6 метров, были прорезаны узкими и частыми щелями бойниц. А внутри и вокруг цитадели лежали бесчисленные фрагменты сосудов великолепной выделки и обжига, с поверхностью то покрытой красным лаком, то украшенной прорезанным орнаментом в виде углов и треугольников с последующей красной, коричневой и чёрной раскраской по розовато-жёлтому фону. Среди черепков мы подняли бронзовый двухперый наконечник стрелы раннескифского типа и пару терракотовых статуэток — безголовую фигурку мужчины, сидящего поджав под себя одно колено и положив руку на другое, и изображение женщины, сидящей, спустив ноги на одну сторону, на спине фантастического зверя.

Перед нами была другая эпоха, гораздо более древняя, не та, над изучением которой мы работали в Тешик-Кала; перед нами был первый памятник ранней античности Хорезма.

На закате, пройдя новые гряды тяжелых песков, мы вышли на такыры, к цели нашего путешествия — Ангка-Кдла, также относящейся к античной эпохе, но к более позднему периоду — к первым векам нашей эры. На такыре мы подняли медную монету с изображением царя в своеобразной короне в виде орла. Эта монета относится к третьему веку нашей эры. Впоследствии она помогла нам датировать интереснейшие находки на раскопках замка Топрак-Кала.

На «землях древнего орошения» южной Кара-Калпакии мы провели раскопки четырёх памятников. На раскопках одного из них в Джанбас-Кала участники экспедиции, студенты Московского университета Абрамович и Вактурская, обнаружили в обширной песчаной котловине местонахождение кремневых орудий и украшенную штампованным орнаментом керамику. Это была стоянка первобытных хорезмийцев, значительно более древняя, чем стоянки бронзового века. Согласно существующему у археологов обычаю, мы назвали ее по имени ближайшего населенного пункта кельтемнкарской культурой. Время бытования этой культуры уводит нас в начало III, а может быть и в IV тысячелетие до нашей эры.

Раскопки Джанбас-Кала-4 позволили нам восстановить общий облик этой своеобразной культуры.

Кельтеминарцы изготовляли свои орудия исключительно из камня и кости. Культурный слой стоянки содержал бесчисленное множество кремневых поделок — скребки, скобели, проколки, вкладыши, лезвия крупных костяных орудий. Из таких лее пластинок изготавливались своеобразные миниатюрные наконечники стрел.

Пищей служила главным образом рыба, преимущественно щука и сом. Кости рыб буквально переполняют культурный слой стоянки. Но наряду с этим немалую роль играла и охота. Найдено много костей кабана, оленя, водоплавающей птицы.

Пища варилась в глиняных сосудах, изготовленных без гончарного круга, имеющих заостренное дно и покрытых богатейшим штампованным орнаментом. Изделия из керамики поражают разнообразием форм и богатством орнамента.

В огромных жилищах, сделанных из дерева и камыша, обитала целая родовая община — примерно в 100–120 человек, включая детей.

Анализ материалов, добытых на раскопках кельтеминарских поселений, позволяет наметить некоторые линии культурных связей древнейшего населения Хорезма с племенами, жившими в Казахстане и Сибири, а также с Индией и Ираном. В Минусинском крае в погребениях III тысячелетия до нашей эры обнаружены украшения, сделанные из ниже-амударьинских раковин, а бусы кельтеминарских женщин были сделаны из раковин, привезенных из Индии. Среди раковин, найденных нами в Джанбас-Кала-4, два вида живут в водах бассейна Индийского океана — в Красном море, Персидском и Аравийском заливах. Постоянная окраска сосудов в красный цвет, а также их относительно высокое техническое качество, видимо, отражают влияние древних культур земледельческих племён южной Туркмении и Иранского плато.

Так памятники первобытной кельтеметарской культуры рассказали нам о культурных связях Хорезма с древними цивилизациями Среднего Востока и отдаленными странами севера еще в IV и III тысячелетиях до нашей эры.

Прямыми потомками кельтеминарцев были люди тазабагьябской культуры, жившие в середине II тысячелетия до нашей эры. Стоянки этого времени расположены частью на барханах, частью на такырах. Мы нашли здесь кремневые орудия, напоминающие орудия труда

кельтеминарцев, остатки медных орудий и плоскодонную посуду со штампованным орнаментом, которая во многом напоминает посуду бронзового века Сибири и Казахстана. Мы не имеем пока прямых данных о хозяйстве тазабагьябцев, но есть все основания полагать, что они занимались скотоводством и мотыжным земледелием.

Отсутствие следов ирригации в окрестностях тазабагьябских стоянок заставляет полагать, что земледелие в эту эпоху не базировалось ещё на искусственном орошении и использовало естественную влажность районов речной поймы.

Полёт через тысячелетия

Наша экспедиция проделала большую работу по изучению древних памятников Хорезма, За четыре предвоенных года был собран обширный и разнообразный материал. Мы проделали свыше 1500 километров разведочных маршрутов, открыли 400 памятников, которые позволили по-новому увидеть древний мир Хорезма на огромном протяжении времени — от рубежа IV тысячелетия до нашей эры и до XIV века нашей эры. Около 4,5 тысячелетия были представлены почти непрерывной цепью памятников, позволяющих проследить главные линии развития древнехорезмийской цивилизации. Были выяснены основные контуры исторической динамики культурных земель и политических границ южного Хорезма в древности и в средневековье, установлена общая схема древней ирригационной сети, определены время и условия запустения «земель древнего орошения».

Работа над типами поселений и над памятниками истории земледелия и ремесла позволила подойти к решению центральной, стоящей перед нами исторической проблемы, проблемы истории общественного строя древнего Хорезма. Многочисленные монеты, найденные нами, помогли нам осветить многие вопросы политической истории. Вместе с тем они оказались первыми памятниками хорезмийской письменности. Те же монеты, печати, многочисленные и разнообразные терракотовые статуэтки и, наконец, сотни прекрасно сохранившихся памятников архитектуры приоткрыли перед нами завесу над историей духовной культуры Хорезма, его искусства и религии.

Но чем дальше мы углублялись в наш материал, тем больше возникало новых и новых проблем. Лето 1941 года застало наш коллектив за лихорадочной подготовкой новых полевых работ. Надо завершить раскопки неолитической стоянки Джанбас-4, развернуть работы над интереснейшим античным городищем Топрак-Кала;

планировались обширные разведки в северных Кзыл-Кумах и в Устюрте в целях выяснения северо-восточных и северо-западных историко-культурных связей древнего Хорезма.

Вероломное нападение гитлеровских полчищ на Советскую страну, прервавшее мирную созидательную работу советских людей по строительству социалистического общества, прервало и наши исследования.

Почти все кадровые работники экспедиции ушли на фронт. Выполняя свой долг перед Родиной, они стали артиллеристами, лётчиками, сапёрами. Одного из нас — молодого археолога, страстного охотника, сменившего централку на снайперскую винтовку, — Н. А. Сугрובה, мы не досчитались в наших рядах, когда после победы вновь собрались вместе. Он пал смертью храбрых, защищая родную Москву.

Только в 1945 году мы возобновили наши работы, а в июле 1946 года развернулись обширные раскопки Топрак-Кала — грандиозного городища I века до нашей эры — VI века нашей эры.

Основным объектом был избран замок-дворец правителя города. Три сезона предварительных обследований позволили окончательно прийти к выводу, что Топрак-Кала из всех известных нам античных памятников открывает наиболее широкие перспективы. На раскопках Топрак-Кала наша экспедиция впервые применила авиацию для археологических работ. Авиация должна была нам помочь разрешить ряд важных проблем, которые было невозможно решить, пользуясь только наземными работами.

Во-первых, аэросъёмка должна была помочь нам в изучении древней ирригационной сети. Во-вторых, съёмка с самолета позволила уточнить планировку древних поселений, некоторые части которых совсем не прослеживаются с земли. В-третьих, как плановая, так и перспективная аэросъёмка давала возможность максимально точно фиксировать не только планировку, но и весь архитектурный облик памятника в его современном, полуразрушенном, состоянии. В-четвёртых, маршрутные визуальные авиаразведки в пустыне благодаря широкому полю обзора гарантировали от опасности пропустить скрывающиеся за барханами памятники; при наземном маршруте исследователь в пустыне слишком зависит от карты и проводника и всегда рискует пройти мимо памятника, скрытого рельефом местности.

Но самое главное заключалось в том, что впервые представилась возможность обследовать широкую периферию древнего Хорезма с

выходом в пустыню уже не на десятки, а на сотни километров. Прodelать такую работу наземными средствами возможно только на протяжении многих лет, к тому же потребовались бы огромные затраты средств, Авиация давала возможность за короткое время покрыть большое пространство густой сетью маршрутов. Мы решили объединить воздушную разведку с наземным обследованием и соответственно использовать авиацию в качестве десантного средства.

25 августа в 6 час, 30 мин. утра лётная группа экспедиции в составе пилотов Е. В. Поневежского и А. П. Белея, начальника экспедиции С. П. Толстова, научного сотрудника М. А. Орлова и кинооператора К. Мухаммедова на двух самолётах ГТО-2 вылетела с посадочной площадки в окрестностях Топрак-Кала для авиаобследования основного района работ экспедиции — «земель древнего орошения» южной Кара-Калпакии по маршруту Кзыл-Кала — Кават-Кала — Джильдык-Кала — Гульдурсун — Тешик-Кала — Беркут-Кала — Кырк-Кыз — Малый Кырк-Кыз — Аяз-Кала — Топрак-Кала.

С высоты открывается широкая панорама памятников. На фоне тёмносерых пухлых солончаков ясно видна оросительная система — большой канал в виде двойного светлого пунктира обветренных бугров, остатков боковых дамб с несколькими параллельными полосами боковых, более старых русел, идущий от Кават-Кала к Кзыл-Кала, проходя с юга на север, к востоку от развалин. Летим над Топрак-Кала, и сразу перед нами возникают в новом виде многократно исхоженные нами окрестности крепости. С земли — это монотонное пространство черновато-серых мертвых жухлых солончаков, местами покрытое заросшими буграми. Сейчас перед нами, за пределами стен города, открывается картина сложных планировок.

С севера от города вырисовываются очертания обширного прямоугольного пригорода, по размеру превосходящего самый город. Ясно видны светлые полосы внешних стен пригорода, к которым привязываются не расшифрованные с земли бугры, и чёрная решётка внутренних планировок.

На юг от ворот города, прямо продолжая линию его главной улицы, тянется прямая светлая полоса, — видимо, след ведшей в город большой древней дороги.

Берём направление на юг, на развалины мертвого оазиса Кават-Кала, Под нами Джильдык-Кала, Думан-Кала и, наконец, Гульдурсун, Вокруг древнего гиганта — бесчисленные крошечные коробочки купающихся

в зелени садов и полей колхозных домов. Хорошо видна древняя оросительная система, с юга к Гульдурсуну подходит не один, как мы думали, а два древних канала. Они тянутся параллельно, на расстоянии примерно 1,5 километра один от другого.

Поразительное впечатление производит с воздуха Кум-Баскан. Огромный замок с могучими башнями и двойным прямоугольником высоких глиняных стен в полном смысле задавлен переметнувшимися через него гигантскими волнами барханов.

Летим дальше на запад вдоль холмистой гряды. На одном из скалистых мысов этой гряды, на полдороге до Топрака, ясно видны очертания крепости неправильной формы с сильно размытыми стенами и башнеобразным зданием в середине. Мы не обнаружили ее во время наших наземных маршрутов. Наносим на карту новый памятник.

Следующие дни были посвящены новым полётам, линии которых пересекли «земли древнего орошения» в других направлениях и охватили не затронутые ранее группы памятников. В результате была почти полностью уточнена карта древней ирригационной сети, сфотографированы общим планом и в деталях все важнейшие памятники, демаскирован и снят ряд новых, не видимых с земли.

21 октября, через 18 дней после начала жаныдарьинского маршрута, после тяжёлого ночного перехода через кунябугутские пески мы возвратились в Тахта-Купыр. «Полёт через тысячелетия» был завершён. Позади осталось 9000 километров воздушных маршрутов, давших нам огромную, вновь исследовательски освоенную территорию и свыше 200 новых памятников от раннеантичных руин середины I тысячелетия до нашей эры до позднесредневековых каракалпакских памятников Жаны-Дарьи и Куван-Дарьи.

Мы подводим итоги разведочных работ на самолете и невольно сравниваем их с работами, проделанными в пустыне до войны. Если хороший верблюд может пройти 4 километра в час, то сколько лет понадобилось бы нам, чтобы исследовать такую громадную территорию, какал нанесена сейчас на нашу археологическую карту? Сколько потребовалось бы сил, энергии и средств, чтобы сделать такую карту со старыми средствами наземной съёмки? Мы вспоминаем наши верные ПО-2, которые послушно садились среди зарослей саксаула и гребней барханов, чтобы дать нам возможность осмотреть новые прекрасные памятники древнего Хорезма, впоследствии нами детально изучавшиеся при раскопках. Мы с благодарностью думаем о

нашей советской авиации, которая умеет служить не только делу защиты отечества, но и расцвету науки.

Сокровища Топрак-Кала

Предварительные раскопки замка Топрак-Кала в 1945 году дали нам много интересных материалов. Но самым привлекательным было для нас открытие многоцветной стенной росписи. На полу одной из комнат мы обнаружили многочисленные фрагменты глиняной штукатурки с многоцветной росписью по белому грунту. А над сохранившимся участком свода этой комнаты мы нашли уцелевший уголок комнаты второго этажа, где расписная штукатурка сохранилась непосредственно на стене. Перед нами были еще очень незначительные, но многообещающие остатки памятника нового для нас вида художественной культуры античного Хорезма — монументальных стенных росписей, А это сулило широкие перспективы разнообразных открытий, ибо стенная живопись, являясь интереснейшим памятником искусства, вместе с тем проливает свет на самые разнообразные стороны материальной культуры создавшего её народа.

Мы знаем, какую роль сыграли в разработке вопросов истории культуры городов восточного Туркестана замечательные фрески буддийских пещерных монастырей последних веков I тысячелетия нашей эры.

На территории советской Средней Азии античная стенная живопись была почти неизвестна. Единственным её памятником, да и то относительно очень поздним (около V века нашей эры), оставались фрагменты росписи в одной из комнат царского дворца в Варахше, близ Бухары, открытые и опубликованные В. А. Шишкиным в 1938 году. Перед нами возникала увлекательная задача открытия хорезмийской монументальной живописи. В новом полевом сезоне 1946 года замок Топрак-Кала стал основным объектом наших раскопок, продолженных ещё в большем масштабе в 1947 году.

Грандиозный замок-дворец подавляет своим суровым величием. Карликами перед ним кажутся огромные большесемейные жилые дома города. Центральный массив замка поднимается на 16 метров над уровнем моря, а три башни, каждая 40?40 метров площадью, вздымают свои плоские вершины на 25 метров.

Раскопанные сейчас северная половина центрального массива и все три башни, всего около 100 помещений, расположенных в трех

этажах, занимают около 6000 метров примерно из 11 тысяч метров общей площади громадного здания.

Помещения центральной части замка были подняты над землей на мощный четырнадцатиметровый цоколь, представляющий систему перекрещивающихся глинобитных стен, пространство между которыми было заполнено кладкой из сырцового кирпича, свободно, без раствора, положенного в песок, разделяющий отдельные кирпичи. Эта песчано-кирпичная кладка цоколей сооружений — характернейшая черта строительного дела античного Хорезма.

В комнатах было сделано много находок. Помимо остатков пищи — косточек плодовых растений (урюка, персиков, винограда), семян пшеницы, ячменя, проса, дыни, многочисленных костей животных, главным образом козы, затем овцы, свиньи, крупного рогатого скота, лошади верблюда, а также диких животных — дикого барана, оленя и джайрана — были найдены многочисленные фрагменты и целые сосуды позднеантичного типа, характерные особой тонкостью выделки; фрагменты бумажных, шерстяных и шелковых тканей, части кожаной обуви, железный наконечник копья, три четырехгранных железных наконечника стрел, вызолоченные пластинки пояса со стеклянными вставками и несколько медных монет III века нашей эры. У юго-восточного угла города при раскопках городской стены была найдена крупная алебастровая статуэтка обнажённой женщины — третий для Хорезма пример алебастровой скульптуры.

Роспись на стенах замка Топрак-Кала

- 1 — Лепестки цветов**
- 2 — Голова тигра**
- 3 — Фрагмент женской головки**
- 4 — Фазан**
- 5 — Белая лилия**

Среди фрагментов обработанного дерева в 1947 году была обнаружена небольшая деревянная бирка с надписью черной тушью из четырех слов, написанных знаками древнехорезмийского алфавита (видимо, хозяйственный документ), — первый хорезмийский документ такого рода. Позднее, во время раскопок 1948 года, нами был открыт целый архив древнехорезмийских текстов на дереве и бумаге. Это также были хозяйственные документы, но для нас они имели величайший смысл это было лишнее подтверждение высокой культуры Хорезма в глубокой древности.

Но самым главным сокровищем Топрак-Кала оказались монументальные росписи и найденная в 1947 году монументальная глиняная скульптура.

Живопись выполнена минеральными красками на клеящем веществе по глиняной штукатурке, покрытой большей частью тонким слоем алебастровой подгрунтовки. Основу почти везде составляет белый фон, на который наносятся остальные краски, иногда совершенно его скрывающие. Изображение всегда оконтурено четкой черной линией, пространство внутри которой заполняется надлежащего тона пятнами к мазками различной густоты, то тонкими и осторожными, то широкими и смелыми, передающими рельеф форм и световые блики.

Росписи оказались в большей части комнат, видимо во всех жилых и парадных помещениях. Из раскрытых в 1946 году помещений особенно богато украшена была комната № 5 второго этажа, выходящая на северный дворик замка. Это был громадный зал с плоским, опиравшимся на четыре колонны перекрытием. Зал имел, видимо, парадно-торжественный характер, его стены были расписаны пышным орнаментом, представляющим систему перекрещивающихся полос черно-желтых тонов, орнаментированных сердечками, розетками, листьями аканфа и образующих ромбические поля, использованные для живописных изображений музыкантов. Одно из них сохранилось почти целиком: это изящное изображение арфистки, выполненное в желтоватых тонах. Пальцы несколько манерно решенных рук в браслетах лежат на струнах большой треугольной арфы, напоминающей ассирийскую. Округлость плеч и овала лица, всё графическое решение образа ведёт нас в мир кушано-гандхарских художественных традиций.

Два других найденных в этой же комнате фрагмента изображений женских лиц, особенно одно из них — часть лица, повернутого в фас, со смелым решением прямо смотрящих, широко прорезанных глаз и сросшихся бровей, — уводит нас в мир иных художественных

ассоциаций. Параллели здесь нужно искать в сиро-египетском, отчасти северночерноморском изобразительном искусстве римского времени.

Второй из фрагментов — часть профиля женской головка с горделивым поворотом шеи, окаймленной богато орнаментированным воротом, с тяжёлым узлом чёрных волос, схваченных красной повязкой, — также ближе к образам искусства античного Средиземноморья, Так в росписях одной комнаты скрещиваются две художественные школы, две традиции, получившие, однако, на хорезмийской почве совершенно своеобразное преломление.

Комната имела и другие украшения. У её западной стены были найдены многочисленные обломки лепных глиняных (с примесью шерсти) гирлянд из листьев и плодов, окрашенных в зеленый, шафранный и красный цвета, а также огромная, в полтора раза превосходящая нормальную величину кисть руки горельефного изображения человека, опирающегося концами пальцев на какой-то предмет прямоугольно округленной формы, — жест, хорошо знакомый по изображениям на монетах кушанских царей Вимы Кадфиза и Каишши. В нише была заключена картина — изображение в натуральную величину двух сидящих друг против друга в торжественных позах фигур — мужской и женской. В смежной комнате раскрыта живописная композиция, выполненная в теплых багряно-красных тонах, — изображение женщины, собирающей в фартук виноград и персики. Над нею — висящие кисти винограда и часть плетевой из прутьев садовой беседки.

В ряде помещений были открыты сохранившиеся на стенах нижние части росписей — орнаментальные панели шириной 0,5–0,75 метра. Особенно эффектна найденная в одном из помещений западной башни дворца голубая панель с изображением темной краской по голубому фону волн, в которых плавают белые с красным рыбы. Над этой панелью шла живописная композиция с изображением людей, животных; виноградных гроздьев и листьев по черному и красному фону.

В росписях растительные орнаменты сочетаются с изобразительными сюжетами. В разных комнатах найдены фрагменты трех изображений тигров, четырех изображений лошадей, целиком сохранившееся изображение птицы (фазана), выполненной в серо-сиреневом тоне по красному фону.

Множество росписей, найденных нами, характеризуется крайним своеобразием, позволяющим говорить о существовании вполне

самостоятельного хорезмийского художественного центра, который должен занять особое место среди художественных центров позднеантичного Средиземноморья и Среднего Востока.

В области колористики эта школа характеризуется необычайным богатством палитры. Здесь представлены чуть ли не все возможные цвета: разнообразные оттенки красного, малинового, розового, синего, голубого, зелёного, оранжевого, жёлтого, фиолетового, белого, чёрного, серого. Сочетание цветов поражает смелостью и разнообразием: изображения даются на алом, тёмносинем, черном фоне, образуя поразительные цветовые комбинации. Особенно запоминаются сцены охоты, выполненные в сероватых и охристо-жёлтых тонах на интенсивно алом фоне, изящные белые и красные лилии, разбросанные по тёмносинему фону, изображённое в розоватых тонах лицо человека на синем фоне, белые с красным растительные узоры и изображение человеческого лица на чёрном фоне.

Изображения характеризуются большой свободой и реалистичностью, своеобразными лаконичными и убедительными приёмами в передаче рельефа штрихами и цветовыми бликами. Особенно хороши светло-зелёные блики на желтоватой поверхности обнажённого человеческого тела в «красной комнате» западной башни и уверенные красные штрихи на розовом фоне, передающие выпуклость подбородка женского изображения отмеченной выше многофигурной композиции.

Богат и разнообразен ассортимент орнаментальных мотивов, отраженных на найденных в различных комнатах фрагментах росписи. Здесь и растительные и геометрические сюжеты — гирлянды, цветы и листья, розетки, сердечки, кресты с разветвляющимися и загнутыми в разные стороны в виде бараньих рогов концами, круги и спирали, полосы овальных фиолетовых бус на черном фоне, прямые и волнистые цветные линии.

Орнамент весьма своеобразен, как своеобразна и живопись. В композиционном решении росписей он имеет много точек соприкосновения с «сарматскими» росписями керченских катакомб. Но больше всего он ассоциируется с миром образов народного текстильного орнамента современных народов Средней Азии — узбеков, таджиков, кара-калпаков, казахов. Мы много общего найдём здесь с рисунком хивинских набоек, узбекских и таджикских сюзане, кара-калпакских узорных кошем. Это соприкосновение стеной росписи и декоративных тканей вряд ли случайно. Они выполняют

одну и ту же функцию, и весьма закономерен перенос рисунка ткани, служащего для орнамента стены, на самую стену, как, впрочем, и обратное влияние живописи на орнамент ткани. Так в глубокую древность уходят корни современного народного искусства наследников античной цивилизации Средней Азии — современных среднеазиатских народов.

Совершенно новой страницей в истории древнехорезмийского искусства явилась открытая раскопками 1947 года монументальная скульптура, представленная исключительно обильным материалом. Статуи из необожженной глины были открыты в девяти комнатах. Общее число статуй во фрагментах превышает 30, из них две почти целые статуи.

Большая часть статуй была найдена в натуральную величину, некоторые в меньшем масштабе, несколько статуй были в полтора-два раза больше человеческого роста. Статуи были раскрашены: лица в телесный цвет, одежда в разнообразные тона — белый, зеленый, розовый, голубой, красный, чёрный и т. д. Орнаменты одежд, видимо вышивки, даны многоцветной раскраской.

Выполнение статуй не в меньшей мере, чем живопись, свидетельствует о высоком мастерстве хорезмийских художников, о зрелости и самостоятельности хорезмийского искусства, хотя и связанного с гандхарской индо-буддийской художественной школой, но творчески преобразившего её влияние и подчинившего её своим художественным традициям.

Лица статуй переданы с исключительным реализмом, несомненно портретны и не уступают по тонкости исполнения лучшим образцам скульптуры любого другого центра позднеэллинистического искусства.

Большая часть найденных статуй была сосредоточена в так называемом «зале царей» — обширном зале в северо-восточной части дворца. По стенам его шло уступом широкое возвышение, разделенное поперечными стенками — решётками из фигурного кирпича — на отдельные ниши, в каждой из которых была расположена группа статуй. В двух из этих ниш сохранились первоначально, видимо, сидевшие на упомянутом возвышении огромные (примерно вдвое больше натурального размера) сидячие мужские статуи, вокруг которых группировалось по 3–5 стоящих мужских, женских и детских статуй. Стены позади сидящих статуй были украшены росписью упомянутыми выше белыми и красными лилиями на тёмносинем фоне, над розово-оранжевой монохромной

панелью. находка двух головных уборов позволила определить сюжет этих скульптурных групп: уборы оказались тождественными с индивидуальными коронами двух хорезмийских царей III века нашей эры, известными нам по изображениям на монетах. Особенно интересна тяжелая скульптурная корона в виде белого орла, известная нам по наиболее ранним монетам III века, чеканенным одним из первых освободившихся от кушанской зависимости хорезмийских царей, имя которого читается на монетах как Вазамар.

Изложенное не оставляет сомнения в том, что перед нами своеобразная портретная галерея династии хорезмийских царей, охватывающая правителей III века.

Сидящие огромные фигуры, видимо, изображали царей, а окружающие их — членов семей и, возможно, богов-покровителей, о чём свидетельствует находка в одной из ниш торса женщины с гранатовым яблоком в руке — характерный атрибут богини плодородия Анахиты.

Открытие «портретной галереи» царей убеждает нас в том, что дворец Топрак-Кала был дворцом не местных князей, а шахов всего Хорезма, а Топрак-Кала — их древней резиденцией до состоявшегося, по данным ал-Бируни, в 305 году нашей эры переноса резиденции в город Кят. Это объясняет и гигантские размеры дворца, не имеющего себе равных среди памятников античного Хорезма, и остававшийся до сих пор необъяснённым факт запустения дворца в IV веке нашей эры, в то время как город Топрак-Кала продолжал жить и в VI веке.

Античный Хорезм создал высокую и своеобразную художественную культуру. Монументальная архитектура, поражающая горделивой величием своих форм, великолепная пластика монументальных глиняных статуй, терракотовых статуэток и рельефов, тонкое искусство античных хорезмийских медальеров и, наконец, богатая гамма графических живописных образов росписей составляют в целом глубоко оригинальный и целостный комплекс, свидетельствующий о самостоятельности, силе и зрелости образного мышления и художественного мастерства создателей древнехорезмийской цивилизации.

Арфистка и её спутницы приоткрывают нам дверь и в наиболее труднодоступный исследователю мир древнего искусства — в мир музыки. Мы знаем ту роль, которую в позднем средневековье и в новое время играла классическая хорезмийская музыкальная школа в истории музыкальной культуры народов Средней Азии. И изящный образ арфистки с «ассирийским» инструментом в руках — новое звено

в прослеживаемой нами выше цепи связей древнехорезмийской цивилизации у её истоков с перед неазиатским миром и, вместе с тем, драгоценный памятник предистории высокой музыкальной культуры позднейшего, средневекового и современного Хорезма.

В стране укрепленных замков

Многочисленные памятники Хорезма, изученные нами во время многолетних раскопок, как в зеркале отразили историю далекого прошлого этой таинственной и почти забытой страны. Новые находки каждый раз дополняли отрывочные сведения древних историков, случайно дошедшие до нас и прежде так мало говорившие нам, а сейчас вдруг ставшие понятными и достоверными, когда перед нами оказались материальные доказательства.

Мы словно увидели и пору зарождения феодализма, и суровую борьбу народов Средней Азии за свою свободу и независимость, и жесточе набеги воинственных соседей, стремящихся овладеть богатой и цветущей страной.

«Так было до царя Африга, и был он один из этой династии. И заслужил он дурную славу, как заслужил ее у персов Ездеджерд (Ездегерд I, 399–420 годы).

И построил (Африг) свой замок внутри Ал-Фира в 660 году после Александра (Македонского). И ведут летоисчисление от него (Африга) и потомков его. И был Ал-Фир крепостью близ города Хорезма с построенными из глины и сырцового кирпича тремя стенами, одна внутри другой, следуя друг за другом по высоте, и превосходил все их замок царей, так же как Гумдан в Йемене, когда был резиденцией Тоббов... И был Ал-Фир виден с расстояния десяти миль и более».

Так излагает ал-Бируни обстоятельства, сопровождавшие установление третьей по счету и последней домусульманской хорезмийской эры.

За этим сжатым текстом чувствуется дыхание больших общественных событий, сделавших принятие хорезмийцами новой эры отнюдь не случайным актом.

Установление новой династии, врезавшийся в народную память образ жестокого царя-деспота, создание им грандиозного укрепленного

замка, стоявшего грозным символом власти афригидов вплоть до их падения, — все это нельзя не рассматривать, как звенья одной цепи.

На Хорезмийских монетах сохранился портрет Африга. Перед нами хищный профиль горбоносого человека с остроконечной жидкой бородой, с напряжённым взглядом крупных выпуклых глаз. Двойная линия бус охватывает его шею. Полусферическая тиара, покрытая чешуей бляшек и с назатыльником, украшенная полумесяцем на лбу, увенчивает голову даря. На реверсе — традиционный всадник с тамгой позади него, следы греческой надписи сверху и хорезмийская надпись под ногами коня, гласящая «царь Африг».

В окрестностях Шаббаза — городка, возникшего в позднем средневековье на месте дофеодальной столицы Хорезма, — до сих пор стоят развалины грандиозной позднеантичной крепости, известной в народе под названием Пиль-Кала. Этот замок относится к эпохе Африга и высится до наших дней как единственный памятник афригидской столицы, имя которой он носит до сих пор.

Время Африга — время большого исторического перелома. И сейчас, пожалуй, мы можем вскрыть сущность этого перелома, скрытую за скупыми словами ал-Бируни.

Начиная с IV века, мы действительно наблюдаем всё более и более быстрое развитие процессов, приведших к резкому изменению всего хозяйства, общественного устройства, быта и политической жизни Хорезма. И наиболее ярко это изменение отражено в возникновении совершенно нового типа поселений и жилищ, основной формой которого становится, р. полном соответствии с рассказом Бируни, замок.

На смену неукрепленных поселений III века, широко раскинутых под защитой могучих крепостей, воздвигнутых и содержащихся государством, приходит сильно укрепленная, лежащая изолированно среди орлей усадьба земледельца — миниатюрный замок. И над этими крестьянскими «замками» гордо возвышаются грозные укрепления замков аристократии. Античные крепости, замыкающие оазис, со стороны пустыни приходят в упадок.

Вот Тешик-Кала — одна из больших усадеб этой эпохи. Она рисует нам быт крупного представителя хорезмийской аристократии. Эффектная декорировка внешних стен массивными полуколоннами, соединёнными наверху перспективными арочками, богатая отделка внутренних помещений, в частности фризы из сырой глины, украшавшие верхнюю часть комнат жилой башни, — всё говорит о

том, что перед нами жилище семьи представителей могущественных хорезмийских землевладельцев, дехкан. Наоборот, маленькие «замки» свидетельствуют о заурядном быте обычной крестьянской семьи. Но эта крестьянская семья имела свой «замок»: жилую башню с бойницами, мощные оборонительные стены, и планировка такого крестьянского «замка» в сущности ничем принципиально не отличалась, кроме размеров и богатства отделки, от аристократической усадьбы.

Перед нами, несомненно, ещё не крепостное крестьянство, а такой общественный слой земледельцев, которому аристократия не противостояла еще как класс-антагонист. Каждый владелец маленького замка — также своеобразный «дехкан», и не случайно в настоящее время это слово означает «крестьянин», в то время как раньше оно обозначало представителя аристократии, иногда было титулом царей.

Весь культурный ландшафт вокруг этих усадеб носит мрачный и суровый характер. Перед нами страна укрепленных замков, за глиняными стенами которых обитатели всегда готовы были отразить нападение неприятеля. Перед нами ландшафт, говорящий о бурной эпохе непрерывных войн, о людях, живших в постоянном страхе перед нападением врага, в неизменной готовности оборонять с оружием в руках свою жизнь и имущество.

Феодализм ещё не восторжествовал, но признаки его наступления чувствуются всюду. Грозные замки аристократии запирают головы ответвлений крупных каналов, командуя над усадьбами крестьян. Самая укрепленность последних явно свидетельствует не только о постоянной угрозе внешнего нападения. Крестьянин вынужден отстаивать свою свободу от гораздо более серьезной угрозы со стороны хозяев больших замков, И действительно, как только на страницах источников появляются сведения о внутренней жизни Хорезма, мы попадаем в самую гущу жестокой и кровавой гражданской войны, завершаемой арабской интервенцией. Еще резче, чем в деревне, новые исторические условия проявляются в жизни города.

Города приходят в упадок. Топрак-Кала с запустевшим замком-дворцом доживает, самое большее, до VI века.

Ослабляются внешние торговые связи, Мы не найдем уже в афригидских памятниках богатого ассортимента средиземноморских сиро-египетских и северноморских стеклянных, настовых и

каменных бус. Простые сердоликовые и халцедоновые шаровидные бусы импортируются из Ирана или изготавливаются на месте.

Итог упадка городов к концу афригидского периода нашел яркое выражение в рассказах арабских писателей о завоевании Хорезма в начале VIII века.

По показанию ал-Табари, в Хорезме в 712 году было всего три города: столица Кят (Филь), Хазарасп и, видимо, Ургенч. Цифра эта вероятно преуменьшена, но в значительной мере она подтверждается и археологическими материалами. Место «тысячи» городов занимают десятки тысяч замков. Ещё в X веке, накануне окончательного крушения афригидов, на заре нового подъёма Хорезма, по словам ал-Макдиси, в окрестностях одного только города Маздахкана (ныне городище Гяуркала близ Ходжейли) было 12 тысяч замков.

Центр общественной жизни уходит из умирающего города в деревню. Но и в деревне мы наблюдаем признаки упадка производительных сил, выраженного прежде всего в сокращении ирригационной системы. Более чем наполовину выходит из эксплуатации восточное ответвление Гавхоре. Замирает жизнь на такырах Анγκα-Кала, Кой-Крылган-Кала и Джанбас-Кала, расположенных на ответвлениях этого канала. Выбывает из эксплуатации северо-восточный отрезок Беркут-калинского канала, орошавший окрестности Кургашин-Кала.

Ещё более резким оказывается упадок ирригационной сети на левом берегу, где прекращает свое существование вся система грандиозного канала Чермен-Яб, на берегах которого к западу от Змукшира полностью отсутствуют памятники афригидской эпохи.

Мы не имеем сведений о политическом делении Хорезма в эту эпоху. Он, повидимому, составлял единое владение, занимая несколько особое место в общей политической картине.

Во власти Кутейбы

История образования огромной полуварварской Арабской империи неотделима от истории кризиса рабовладельческой системы в восточном Средиземноморье, в Византийской и Иранской империях, как история образования Эфталитского и Тюркского государств не может быть понята вне изучения кризиса рабовладельческого общества в Китае, среднеазиатских государствах и том же Иране.

В этот кризис оказались втянутыми и далекие племена и примитивные городские общины западной Аравии, остро затронутые губительными последствиями экономического упадка Византии, в частности упадка её восточной торговли, из которой торгово-ростовщическая и рабовладельческая знать арабских городских общин извлекала в прошлом немалые выгоды. Попытка со стороны этой знати переложить тяжесть кризиса на плебейские массы городов и бедуинские племена, быстро оказавшиеся в сетях ростовщической кабалы, вызвала острый взрыв социальной борьбы, завершившийся созданием сильного военно-рабовладельческого государства.

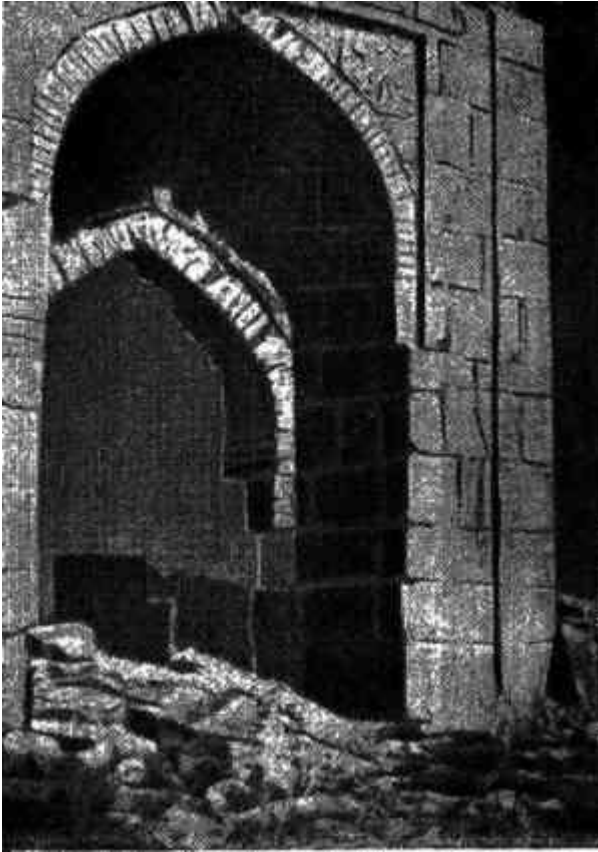
На протяжении 30-х годов VII века мекканско-мединская военно-разбойничья политическая община подчиняет себе всю Аравию и начинает набеги на территорию азиатских владений Византии и на Иран. Эти набеги закончились изгнанием византийских войск из Сирии и Палестины, а в 642 году генеральная битва при Нихавенде решила судьбу Сасанидской державы. Последний «шахиншах Ирана и не-Ирана» Ездегерд III повторил путь, который за тысячу лет до него проделал последний ахеменид Дарий III, спасаясь от Александра. Он во главе 1000 всадников и такого же количества дворцовой челяди, кондитеров, парикмахеров и т. п. бежал в Мерв. Однако правители города, как некогда восточные сатрапы ахеменидской Персии, оказались мало расположенными жертвовать собой для спасения владыки Ирана и его державы.

При известии о приближении арабов (651 год) они призвали на помощь старых врагов сасанидов, а покинутый всеми Ездегерд был вынужден скитаться в окрестностях города, где и погиб от руки случайного убийцы, польстившегося на пышные одежды последнего сасакидского царя.

В том же 661 году арабы впервые появились на границах Средней Азии — под стенами Мерва, Герата, Балха, ограничившись на первых порах лишь заключением договоров и наложением значительных контрибуций. Мерв и Балх становятся оперативными базами для дальнейших грабительских набегов в глубь Средней Азии.

**Голова супруги царя Вазамара из портретной галереи династии хорезмийских царей (III век.).
Дворец Топрак-Кала**

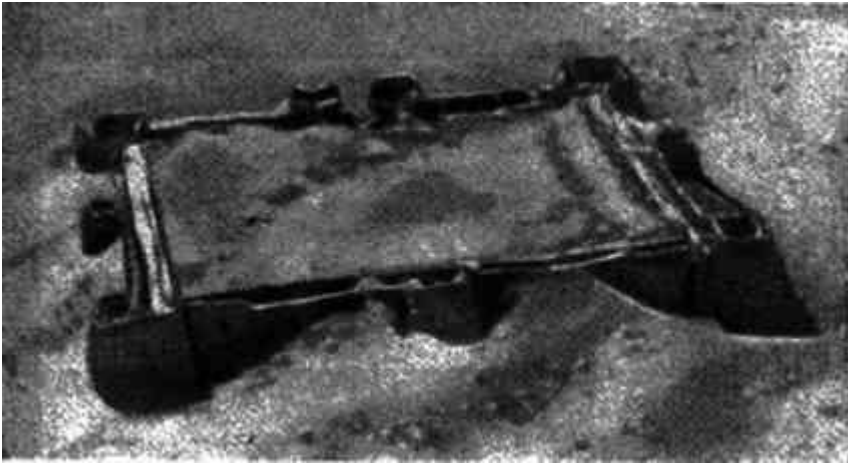
Белеули (общий вид портала)

Внешний вид «Каптар-ханы» близ Наринджана (XII–XIII века)

Пилоны ворот Кум-Баскан-Кала

Крепость Ангка-Кала. Античная эпоха хорезмийской цивилизации (III век)

Развалины крепости Кой-Крылган-Кала (IV–III века до нашей эры)

Замок № 13, эпоха Афригидов

Статуя жреца из замка Топрак-Кала, найденная в Топрак-Кала

Древнейшая из известных нам хорезмийских монет

Арабские источники говорят о двукратном «покорении» Хорезма арабскими полководцами Сальмой ибн-Зиядом и Умайей ибн-Абдаллахом. Однако практически здесь имели место лишь такие же грабительские набеги, как и в отношении городов Мавераннахра.

Лишь с начала VIII века с именем наместника Хорасана Кутейбы ибн-Муслима связано прочное завоевание внутренних среднеазиатских областей. Потеря независимости державы хорезмшахов, устоявшей на протяжении полных политических бурями предшествовавших столетий, падает на 712 год. Обстоятельства завоевания Хорезма Кутейбой чрезвычайно существенны, — мы впервые узнаём здесь из непосредственного свидетельства письменных источников о тех событиях внутренней социально-политической истории Хорезма, на которые намекают нам археологические памятники.

Караваны идут в Кят

Исторические и археологические памятники Хорезма X века говорят о быстром экономическом подъеме страны, о росте городов и торговых связей, о создании могучего феодального государства.

Арабские источники ярко рисуют нам картину исключительной экономической активности Хорезма в X веке, причем ареной деятельности хорезмийских купцов, как и в древности, становятся, во-первых, степи нынешней Туркмении и Западного Казахстана и, во-вторых, Поволжье — Хазария и Булгария, а далее обширный славянский мир Восточной Европы.

Исгахри сообщает нам уже для начала X века: «Хорезм — город (мадина) плодородный, обильный пищей и фруктами, в нем нет только орехов; в нем производятся многие предметы из хлопка и шерсти, которые вывозятся в отдаленные места. Среди свойств его жителей — богатство и стремление проявить своё мужество. Они более всех жителей Хорасана рассеяны (по чужим местам) и более всех путешествуют; в Хорасане нет большого города, в котором не было бы большого числа жителей Хорезма... В стране их нет золота и серебряных рудников и никаких драгоценных камней; большая часть богатства их — от торговли с тюрками и разведения скота. К ним попадает большая часть рабов славян, хазар и соседних с ними, равно как и рабов тюркских, и большая часть мехов степных лисиц, соболей, бобров и других».

Анонимный персидский автор географического труда конца X века «Худуд ал-Алем» (границы мира) пишет: «Кят — главный город

Хорезма, ворота в Туркестан гузский, складочное место товаров тюрков, Туркестана, Мавераннахра и области хазаров, место стечения купцов... Город имеет большое богатство. Оттуда вывозятся покрывала для подушек, стеганые одежды, бумажные материи, войлок, рухбин (род сыра)».

Особенно интересные сведения мы находим у ал-Макдиси. При описании предметов, вывозящихся в страны халифата из областей Хорасана, наиболее длинный список им даётся для Хорезма.

«Из Хорезма — соболя, сереге белки, горностаи, степные лисицы, куницы, лисицы, бобры, крашенные зайцы, козы, воск, стрелы, белая кора, тополя, колпаки, рыбий клей и рыбы зубы, бобровая струя, амбра, кимухт (сорт кожи), мед, лесные орехи, соколы, мечи, кольчуги, береза, рабы из славян, бараны и коровы — всё это от болгар. И в нём производятся виноград, много изюма, печенье, кунжут, полосатые одежды, ковры, одеяла, прекрасная парча, покрывала „шульхам“, замки, цветные одежды, луки, которые могут натянуть только самые сильные люди, особый сыр, сыворотка, рыба. Суда там строятся и отделываются».

Этот список вдвойне интересен. Во-первых, он даёт нам значительное расширение ассортимента экспортируемых из Хорезма произведений хорезмийской ремесленной промышленности. По Истахри и Худуд ал-Алем, Хорезм рисуется страной преимущественно аграрно-скотоводческой и вместе с тем центром посреднической торговли между странами Востока, тюрками и Поволжьем, в частности крупнейшим рынком работорговли. В состав экспорта входят, наряду с северным сырьем и местной продукцией сельского хозяйства, произведения местной текстильной промышленности. У ал-Макдиси мы видим появление в составе экспорта предметов металлообрабатывающей промышленности, судостроительной промышленности.

С другой стороны, поражает обилие и многообразие предметов, ввозимых в конце X века «от болгар», т. е. из стран Восточной Европы, свидетельствующее о том, что и эта сторона экономической активности хорезмийцев развивается быстрыми темпами.

Рост роли торговли с Восточной Европой выдвигал на первое место в Хорезме город, сделавшийся естественным центром этой торговли, — Ургенч, крайний северо-западный форпост хорезмийской цивилизации, выдвинутый к началу разветвления путей, идущих через пустынный Устюрт на запад — к пристаням Мангышлака, на северо-запад — к нижней Эмбе и далее на Волгу и на юг, через Кара-

Кумы, в Джурджан, и таким образом находящийся на кратчайшем пути из Ирака и Ирана в Восточную Европу.

«Это самый большой город в Хорезме после столицы: он — место торговли с гузами и оттуда отправляются караваны в Джурджан, к хазарам, в Хорасан», — пишет ал-Истахри.

Расцвет науки, расцвет страны

Накануне монгольского нашествия Хорезм посетил знаменитый арабский путешественник и географ Якут, автор многотомной географической энциклопедии, не знающей себе равной среди памятников средневековой географической литературы всего мира.

«Не думаю, — пишет Якут, — чтобы в мире были где-нибудь обширные земли шире хорезмийских и более заселенные, при том, что жители приурочены к трудной жизни и довольству немногим. Большинство селений Хорезма — города, имеющие рынки, жизненные припасы и лавки. Как редкость, бывают селения, в которых нет рынка. Все это при общей безопасности и полной безмятежности».

«Не думаю, — говорит он в другом месте, — чтобы в мире был город, подобный главному городу Хорезма по обилию богатства и величине столицы, большому количеству населения и близости к добру и исполнению религиозных предписаний и веры».

А свидетельство Якута, объехавшего значительную часть мусульманского мира, достаточно авторитетно.

Мы видели ирригационные сооружения эпохи великих хорезмийских шахов. Особенно ярко они могут быть прослежены в районе «земель древнего орошения» юго-западного Хорезма — в бассейне огромного мертвого канала Чермен-Яб. Этот канал, являющийся продолжением современного канала Газават, в раннем средневековье, в афригидское и мамунидское время, доходит только до города Замахшара (современное городище Змухшир).

В XII веке этот канал проводится далее в глубь пустыни на 70 километров, достигая развалин Шах-Сенем, вокруг которых раскинулась обширная сельскохозяйственная область с обильными памятниками того времени.

Интенсивно развивается жизнь на орошенных землях бассейна Гавхорэ. Окрестности развалин крепости Кават-Кала представляют собой великолепно сохранившийся памятник этой эпохи. Это целый мертвый оазис, эффектные руины целого «рустака», тянущегося от развалин Джильдык-Кала до Кават-Кала и далее к северу примерно на треть расстояния между Кават-Кала и Топрак-Кала.

Это тянувшаяся на 15 километров вдоль сухого русла Гавхорэ полоса такыров шириной 2–3 километра, сплошь покрытая бесчисленными развалинами крепостей, замков и неукрепленных крестьянских усадеб, разбросанных среди прекрасно сохранившихся планировок средневековых полей, оконтуренных полосами каналов распределительной и оросительной сети.

На непосредственно примыкающей к Кават-Кала полосе площадью 8 квадратных километров нами зарегистрировано свыше 90 крестьянских усадеб. Если мы сравним по степени заселённости рустак крепости Кават-Кала с афригидским рустак Беркут-Кала, где на площади 35 квадратных километров расположено около 100 усадеб, то мы убедимся в том, что густота населения возросла примерно в четыре раза.

Возвышение империи Хорезмшахов, намечающееся уже в XI веке, охватывающее XII век и достигшее наивысшего расцвета к началу XIII века, не похоже на историю образования предшествующих, а частью и последующих феодальных восточных империй.

Это не результат молниеносного движения полчищ конных варваров-кочевников, как арабский халифат, государства сельджукидов и караханидов. Это не результат военного переворота, переносащего центр ослабшей империи в новое место, как было с государствами саманидов и газневидов.

Это итог длительного, медленного процесса «собрания земель» вокруг определенного центра экономического и политического тяготения. Расцвет Хорезма в начале XIII века стал возможен благодаря тысячелетней культуре народа, который с необычайным упорством отвоёвывал земли у пустыни, строил оросительные каналы, владел передовой для того времени строительной техникой, имел прекрасно обученное войско, защищавшее интересы своего государства.

Хорезм выступает перед нами в X–XII веках как естественный центр тяготения кочевых племен Средней Азии, как форпост переднеазиатской мусульманской цивилизации в гужской и

кипчакской степи. Города Хорезма ведут широкие торговые операции со степью.

Хорезмийские купцы связаны с кочевниками тесными узами, обеспечивающими безопасность торговли. Арабский путешественник ибн-Фадлан пишет:

«И не может ни из мусульман приехать в их страну, пока не назначат ему из их среды друга, у которого он останавливается и привозят ему из страны ислама одежды, а для жены его покрывало, немного перца, проса, изюма и орехов. Таков же и тюркский обычай: если он выезжает в ал-Джурджанию (Ургенч) и спрашивает о своем госте, то останавливается у него, пока не уедет (обратно)».

Мангышлак и нижняя Сыр-Дарья, связанные тесными экономическими связями с Хорезмом, первыми входят и в сферу политической его гегемонии.

Однако этим дело не исчерпывается. Хорезм X–XII столетий выступает перед нами как важнейший центр экономических связей между странами халифата, с одной стороны, и обширными пространствами Восточной Европы и Западной Сибири — с другой.

Арабские авторы отмечают многочисленные хорезмийские колонии в городах Хорасана и на севере — в землях хазар и булгар.

Так, ал-Истахри говорил: «Они (хорезмийцы) более всех жителей Хорасана рассеяны по чужим местам и более всех путешествуют».

Характерно, что особое стремление хорезмийцев к дальним торговым экспедициям подчеркивается и более ранними источниками. В истории династии Тан мы читаем такую характеристику хорезмийцев эпохи арабского завоевания:

«Среди всех западных варваров это единственный народ, который запрягает быков в повозки; купцы ездят на них в отдаленные страны».

По данным ибн-Фадлана, в X веке значительная колония хорезмийцев была в Булгаре, Почти целиком из хорезмийцев состояла в том же X веке большая мусульманская колония в Итиле — столице Хазарии.

Но Хорезм возвышается среди стран Востока не только как экономический и политический центр, где скрещиваются интересы

многих цивилизованных народов. Он занимает также выдающееся место как центр науки и культуры стран древнего Востока.

Мы мало знаем о науке домусульманского, античного и афригидского Хорезма. Но внимательный анализ памятников материальной культуры позволяет утверждать, что уже тогда точные и естественные науки достигли в Хорезме высокого уровня развития: точные каноны архитектурных пропорций, тщательные строительные расчёты, грандиозные ирригационные сооружения, невозможные без скрупулёзной нивелировки местности, описанные Бируни Хорезмский календарь и детальная астрономическая терминология, богатство и разнообразие минеральных красок в росписях Топрак-Кала, великолепное античное стекло отсюда же — всё это было бы невозможно без развитая геометрии, тригонометрии, астрономии, топографии, химии, минералогии. Далекие путешествия хорезмийских купцов, о которых единогласно свидетельствуют арабы и китайцы, были бы невозможны без развития и накопления географических знаний.

И когда позднеафригидский Хорезм входит в систему арабского халифата, его учёные сразу занимают выдающееся, пожалуй, самое выдающееся место среди создателей так называемой «арабской науки» — арабской по языку, ставшему своеобразной восточной латынью, — а на деле созданной учёными Ирана, Закавказья, Малой Азии, Средней Азии, впоследствии Испании.

Уже к концу VIII — началу IX века относится жизнь и деятельность признанного основателя «арабской» математики и математической географии — хорезмийца ибн-Муса ал-Хорезми. Его имя до сих пор живет в известном математическом термине «алгоритм» (общее решение любой математической задачи). От одного из слов заглавия математического трактата ал-Хорезми «ал-Джабр» произошло название алгебры.

Ал-Хорезми — не только математик, но и астроном, географ и историк — занимает крупный пост при дворе аббасидского халифа ал-Мамуна. Общеизвестно, что в его трудах осуществился тот синтез индийской алгебры и греческой геометрии, который лежит у истоков современной математической науки. Но было ли это только индивидуальным творчеством ал-Хорезми? История античной и афригидской культуры Хорезма, давшая такие убедительные доказательства в найденных нами памятниках культуры, позволяет утверждать, что ал-Хорезми силен не только своим личным математическим гением, но и тем, что он опирался на многовековую

традицию хорезмийской математики, выросшей на почве практических потребностей ирригации, путешествий, строительства и торговли, С этой-то зрелой хорезмийской математической наукой познакомил ал-Хорезми полуварваров-арабов, а затем, в латинских переводах, и европейский учёный мир.

История хорезмийской науки достигает в творчестве ал-Бируни своего кульминационного пункта. В его лице выступает перед нами великий энциклопедист средневекового Востока, астроном, географ, минералог, этнограф, историк и поэт. Его перу принадлежит целый ряд капитальных трактатов по разным отраслям науки, и во всех он проявляет себя не только как выдающийся эрудит и первоклассный исследователь, но и как мыслитель, прокладывающий новые пути в науке. Признание им равноправия геоцентрической и гелиоцентрической картин мира является крупным шагом вперед по сравнению с доминировавшей среди «арабских» учёных концепцией Птолемея. Его историко-геологические теории по истории ландшафта Североиндийской низменности и по истории изменений течения Аму-Дарьи далеко опережают взгляды тогдашней науки, приближаясь к современным научным концепциям. До нас дошел ранний труд Бируни — «Ал-Асар ал-Бакият» — трактат о летоисчислениях народов мира, свидетельствующий о необычайной широте эрудиции хорезмийского ученого и являющийся настоящим кладом сведений по истории культуры, философии, астрономии, религии различных народов. Трактат по математической и описательной географии «Канон Масуда» и краткое руководство по определению местоположения местностей, содержащее, кроме геодезических, также и историко-географические сведения, ещё ждут своего издателя. Недавно опубликован труд Бируни по минералогии. Замечательная «История Индии» Бируни, изданная Захау, свидетельствующая о глубоком знании автором языка и обычаев страны, богатейшей санскритской научной литературы, географии и истории Индии, является блестящим образцом историко-этнографической монографии, не имеющей себе равных в средневековой литературе. «История Хорезма» Бируни до нас не дошла, она утрачена или ещё не разыскана, но, судя по отрывкам из неё у Бейхаки и историческим материалам в монографии самого Бируни о летоисчислениях, это был труд первостепенного значения.

Видимо, особая роль принадлежит Бируни, как и ал-Хорезми, в разработке географии и этнографии Восточной Европы, в деле ознакомления стран мусульманского Востока со славянами и другими восточноевропейскими народами. Есть все основания полагать, что именно благодаря Бируни арабам стали впервые известны варяги —

норманны и народы «страны мрака» — население европейской и азиатской Арктики.

Страшная катастрофа монгольского нашествия оборвала восходящую линию развития феодальной Средней Азии под гегемонией шахов Хорезма. Эта катастрофа, пронесшаяся и над другими странами, одновременно со Средней Азией переживавшими полосу хозяйственного, политического и культурного подъема — Владимиро-Суздальскую Русью, над болгарами, над цветущей Грузией, — снова роднит эти страны, связывая их общей судьбой, единой героической миссией спасения европейской цивилизации от монгольского варварства.

О том, что подъём хорезмийской империи был не случаен, что он соответствовал прогрессивным тенденциям исторического развития народов Средней Азии, свидетельствует дальнейший ход истории. Два поднимающихся в XIV веке мощных феодальных объединения, возглавленных династиями монгольского происхождения — Золотая Орда и империя Тимура, — в известной мере развивают и продолжают как в политической, так и в культурной области тенденции империи Хорезм шахов.

Варвары-монголы не были в состоянии создать устойчивое политическое объединение на огромной территории их завоеваний. «Монгольская империя» распалась на фактически независимые улусы уже при внуках Чингис-хана. И сами улусы проявили известную устойчивость лишь в той мере, в какой потомкам завоевателей удалось использовать уже сложившиеся связи, экономические и политические. Монголы выступают в качестве паразитического нароста на теле местных политических объединений, традиции которых восходят к домонгольскому времени.

Бросая взгляд назад, мы видим, что не случайной была роль Хорезма как основного ядра первой феодальной монархии Средней Азии, За спиной «великих хорезмшахов» стояла экономическая: сила Хорезма, как мощного аграрного и ремесленного центра, сильного своими многовековыми хозяйственными связями с тюркской степью и восточноевропейскими странами. За спиной хорезмшахов была тысячелетняя история одного из выдающихся центров античной цивилизации, многократно становившегося ядром обширных рабовладельческих империй.

Тайна Узбоя

Исследование памятников древнего Хорезма помогло нам раскрыть еще одну тайну, представляющую громадный интерес для науки, — это тайна древнего каспийского протока Аму-Дарьи — Узбоя. Проблема происхождения и возраста Узбоя, древнее русло которого пересекает западную часть Кара-Кумской пустыни, давно волнует исследователей. Историки и географы, геологи и ирригаторы, ученые и дилетанты посвятили этой проблеме немало страниц. И все же до последнего времени загадка Узбоя оставалась тайной.

До нас дошли разнообразные сведения об этом исчезнувшем русле. Персидский географ XIV века Хамдаллах Казвини при описании Каспийского моря рассказывает, что «...Джейхун (Аму-Дарья), прежде впадавший в Восточное море, расположенное против страны Яжудж и Маджудж, около времени появления монголов изменил своё течение и направился к этому (Каспийскому) морю».

В очень путаном виде такое же свидетельство мы находим у писателя XV века Хафизии Аbru, где оно сочетается с невероятными сообщениями об исчезновении к 1417 году Аральского моря и впадении в это же время Сыр-Дарьи в Аму-Дарью. Наконец, в XVII веке об этом же говорит знаменитый хорезмийский хан-историк Абульгази. Повествуя о событиях начала XVI века, он рассказывает, что в это время Аму-Дарья текла мимо Ургенча на юго-запад до восточного края Балханских гор, оттуда поворачивала на запад и впадала в Каспий.

«По обоим берегам Аму-Дарьи от Огурчи (урочище близ Красноводской бухты), — говорит Абульгази, — были пашни, виноградники и рощи... Населенности и цветущему состоянию не было пределов»...

Абульгази сообщает в другом месте, что за 30 лет до его рождения, т. е. в 1573 году, река повернула в своё нынешнее русло и течение воды в Каспий прекратилось. Хивинская хроника Муниса (XIX век) относит это событие к 1578 году.

Анализ этих свидетельств, как и более ранних материалов, привел крупнейшего русского историка-востоковеда В. В. Бартольда к твердому заключению, что в то время как данные о древнем течении Аму-Дарьи в Каспий, сохраненные античными авторами и Макдиси, относятся к мифическим временам и задолго до X века река впадала, как и сейчас, в Арал, — между XIII и XIV веками она поворачивает в

Каспий, заполняя извивающееся вдоль восточного склона Устюрта и южных, склонов Балханских гор древнее русло Узбой, тянущееся от Сарыкамышской впадины до Краеноводской бухты.

Предание о недавнем впадении Аму-Дарьи в Каспий, занесенное туркменскими послами в Россию, увлекло Петра Первого и было одним из мотивов посылки им экспедиции Бековича-Черкасского на восточные берега Каспия и в Хиву. На экспедицию, в числе прочих задач, был с возложено выяснение возможности установить сплошной путь в Индию.

Если говорить о современном состоянии вопроса, то могут быть чётко выражены две точки зрения: одна из них принадлежит историкам и основана на приведенных выше соображениях Бартольда; другая, разделяемая географами и геологами, нашла отражение в недавно вышедшей монографии А. С. Кесь и в сводных трудах по палеогеографии СССР, написанных И. П. Герасимовым и К. К. Марковым.

Авторы этих работ, представляющих последнее слово современной советской географической науки, приходят к выводу, что нет никакого основания относить существование Узбоя как реки к историческому времени. Не говоря уже о том, что Узбой по своим размерам никогда не мог быть главным руслом Аму-Дарьи, А. С. Кесь пишет, что «...в настоящее время остался ещё не разрешённым вопрос о времени прекращения течения по Узбою: существовало ли оно ещё в историческое время или нет. Изучение узбойских равнин несомненно представляет интерес. Очень важно было бы установить бывшее назначение этих памятников и время их сооружения. Возможно, что эти сведения дали бы много интереснейших и совершенно неожиданных результатов для разрешения интересующего нас вопроса».

Было ясно, что решающее слово в споре между историками и геологами несомненно принадлежит археологам.

В начале октября 1947 года наша экспедиция попыталась внести свою долю в решение узбойской проблемы.

В наших разведках мы не брали на себя задачу полностью охватить проблему; мы решили на первых порах оставить в стороне памятники первобытной культуры и поставить в центр внимания проблему истории долины Узбоя в исторический период, от которого остались надземные сооружения. Это ограничение дало нам возможность опереться в нашей работе целиком на авиацию, на сочетание

визуальной авиаразведки со съёмкой памятников и посадками в районах, наиболее интересных из них.

Базой наших работ в Узбойско-Сарыкамышской области мы избрали уже знакомые нам развалины старого Вазира — ныне развалины Дев-Кескен. Это давало нам возможность использовать свободное от полетов время для детального археологического и архитектурного описания этих развалин и неподалеку расположенного крупного средневекового города Шемаха-Кала.

3–4 октября были посвящены полетам над примыкающим к Вазиру с запада урочищем Ербурун и ещё более к западу в глубь Устюрта, до впадины Ассак-Каудан. Здесь нами были открыты развалины небольшой каменной крепости — современницы позднесредневекового Вазира. Вернулись на базу через северную окраину Сарыкамышской котловины.

5 октября мы, наконец, вылетели в наш решающий полет на юг, вдоль Узбоя, до Ак-Яйлинской луки. Весь предыдущий вечер мы посвятили тщательной разработке маршрута. Несколько волнует погода: солнце село в развернувшиеся веером багряные облака. На рассвете на южном горизонте дымка, предвещающая сильный ветер. На плато пока тихо. В 9 часов 38 минут самолеты отрываются от земли. В 9 часов 45 минут пересекаем Дарьялык — широкие меандры старого русла, серое дно, поросшее саксаулом, серые берега, покрытые мелким кустарником. Как и вчера, всюду следы планировок позднесредневековых полей и каналов.

9 часов 55 минут. Впереди Меандры старица Даудана — очень плоское, слабо выраженное русло, подходящее к курсу с востока и уклоняющееся на юго-запад. Вдоль берегов Даудана следов ирригации незаметно.

10 часов 03 минуты. Русло то пересекает курс, то уклоняется влево. Справа, в междуречье Даудана и Дарьялыка, видны планировки полей и садов.

10 часов 09 минут. Впереди слева — очертания возвышенности Тарым-Гая. Ещё 5 минут — я ландшафт внизу меняется. Вместо серой глинистой равнины, поросшей редкими кустарниками, гладкие белые такыры с мелкими песчаными барханами. Следов культуры нет.

Погода явно не благоприятствует. Уже минут 20, как справа по курсу все задернуто густой дымкой, почти не видно возвышенности Бутен-Тау. Теперь и спереди быстра надвигается густая желтовато-серая

мгла, застилающая небо и землю. Ветер крепчает с каждой минутой, самолеты бросает вверх и вниз.

Несколько минут — и мы прорываем фронт песчаной бури и окунаемся в мятущуюся мглу. Едва виден ведомый самолёт. Земля и небо теряются. Самолёты треплет беспощадно. Ещё несколько минут пытаемся прорваться на юг, — может быть буря продлится недолго. Но вскоре становится ясно, что это бесполезно. Приходится возвращаться.

10 часов 20 минут. Самум идёт вместе с нами. Запад, восток, юг — всё покрыто несущимися к северо-востоку вихрями песка и пыли. Солнца не видно. А впереди, на севере, все тоже затянуто песчаной мглой: нет никаких ориентиров, идём исключительно по компасу. Бешеный ветер сбивает с курса. Почти час мы летим в этом хаосе ветра и пыли, не видя ничего кругом. Наконец, совсем близко впереди из мглы вырисовываются белые рваные обрывы южного Чинка — дэв-кескенского мыса Устюрта. Ветер отнёс нас сильно вправо. Разворачиваемся на запад, вдоль Чинка и в 11 часов 25 минут садимся на наш аэродром. Ветер был так силен, что в лагере не слышали нашего приближения.

6 октября, в 9 часов 30 минут погода благоприятствует. Идем над караванной дорогой по направлению к первым развалинам зоны Узбоя, помеченным на картах, — Ярты Гумбез, Под нами тяжёлые грядовые пески со слабой растительностью. Тонкая нить дороги вьётся по склонам, В одной из впадин среди песков открываются развалины. Это мавзолей с провалившимся куполом и полуразрушенной аркой портала. Здание; из обожжённого кирпича. Ориентировочно здание может быть датировано временем позднего средневековья. Делаем круг. Посадка невозможна. В 9 часов 50 минут направляемся на колодцы Орта-Кую и Узбой. Идём над всё более и более мощными гривами грядовых и ячеистых песков. Проходим над одним, затем над другим караваном. Снижаемся. Туркмены приветствуют самолёты, машут чёрными шапками. Мы машем в ответ. Внизу Орта-Кую, чёрные такыры с рябинами колодцев, несколько отдыхающих караванов, десятки верблюдов и людей. Снова обмен приветствиями. Идём над песками дальше. Впереди гора Кугунек.

10 часов 15 минут, Узбой. Здесь, у Кугунека, русло плоское с хорошо выраженными меандрами. Нигде следов ирригации нет. Идём над руслом — внизу следы ирригации, но на дне русла виден четкий рисунок разбивки полей, очерченных тёмными линиями растительности.

В 10 часов 27 минут проходим над колодцами Бала-Ишем. Здесь также на дне русла следы полей. Кругом, по обе стороны русла, мертвая равнина; плоская каменистая черно-серая поверхность плато справа, к западу; темные желтовато-бурые пески с черновато-серыми пятнами такыров слева, к востоку. За пределами русла ни малейших следов орошения и древних поселений. Русло чем дальше, тем более четко выражено. Чем дальше, тем чаще на дне Узбоя поблёскивают болотца и озера, то чистые, отражающие обрывы берегов и наши самолеты, то подернутые белой коркой солей.

Впереди, на левом, восточном берегу, круглое пятно знаменитых развалин Талай-Хан-Ата. Делаем круг и садимся на белую гладь такыра. Перед нами круглое каменное укрепление 60 метров в диаметре с группирующимися вокруг центрального двора постройками из жженого кирпича. Керамические данные, как и архитектурные, не оставляют сомнения, что перед нами одно из звеньев единой цепи укрепленных фортов — каравансараев XII–XIII веков, возведенных хорезмшахами на одном из основных торговых и стратегических путей, связывавшем Ургенч с западным Хорасаном. Никакого намека на заселенность местности, ни малейших следов ирригации.

Дальнейшая разведка показала нам знаменитый «ак-яйлинский водопровод». Над обрывом левого берега Узбоя бугор обвалованного крупного здания. От него на северо-восток тянется узкая красноватая полоса длиной около километра — остатки неоднократно описанного водопроводного жолоба. На северном берегу Узбоя мы видим оплывший бугор глинобитного здания. К югу, далее по Узбою, два бугра меньших размеров. Вдоль берега метров на 150, на такырах, отдельные немногочисленные обломки раннесредневековой бытовой керамики. Но самое интересное — «водопровод». Это узкий жолоб из такого же жженого кирпича, местами хорошо сохранившейся. На самом восточном конце он завершается своеобразным раструбом — водоприемником, близ которого расположен небольшой круглый бугор — остатки сторожевой башни.

Быстро убеждаемся, что жолоб водопровода идет со значительным уклоном к западу, в сторону Узбоя. Это еще более подчеркнуто тем, что параллельно водопроводу, местами пересекая его, в сторону Узбоя тянется извилистая полоса глубокого оврага, «притока» Узбоя, образовавшегося после того, как водопровод перестал действовать.

Вода, не регулируемая больше человеком, сама проложила себе путь в том же направлении. Картина становится достаточно ясной. Развалины сооружения на берегу Узбоя — не что иное, как

своеобразная «сардоба» — цистерна для воды, питавшаяся за счёт дождевых и снеговых вод, собиравшихся на такырах, откуда они отводились по каналу в цистерну. Характер и расположение находок вокруг цистерны позволяют заключить, что в раннем средневековье здесь было место остановки караванов. Всё вместе взятое служит доказательством того, что во время функционирования «ак-ййлинского водопровода» в Узбое воды не было.

Мы идём обратно вдоль Узбоя; вновь проверяем сделанные раньше наблюдения и снова убеждаемся в отсутствии каких-либо признаков ирригации и поселений на берегах Узбоя. Проходим район колодцев Чарышлы. Следы русла окончательно расплываются. Проходим над полосой береговых валов древнего Сарыкамышского озера. Летим над безжизненной черновато-серой равниной Сарыкамышской впадины. На правом траверсе, за огромным пространством чёрных такыров, снова сверкает ярко освещенная солнцем вершина Кой-Кырлана.

Внизу меняются цвета и характер местности, остающейся, однако, столь же ровной и безжизненной. Идём над белыми и серыми шероховатыми такырами, то покрытыми редкими кустами, то абсолютно голыми. Никаких следов человеческой деятельности. Несколько позднее под нами Сарыкамыш. На севере блестит голубое зеркало воды, непосредственно внизу белая соляная поверхность дна высохшего озера, растрескавшаяся огромными многогранными многогранниками, — какой-то фантастический чудовищный такыр.

В конце путешествия мы подлетаем к северным береговым валам древнего озера. Перед нами возвышенность Бутен-Тау, уже знакомая нам по полёту 4 октября. И сразу меняется характер местности. У подножья гор, чем дальше, тем гуще, идут одни за другим крупные и мелкие арыки, развалины усадеб, зданий, изгородей. Мы снова над «землями древнего орошения» долины Дарьялыка, области позднесредневековых городов Вазира и Адака.

Подводим итоги наших исследований и приходим к выводу, что в споре между геологами и историками истина на стороне геологов. Бартольд неправ. В позднем средневековье в Узбое вода не текла. Развалины на Узбое отнюдь не следы бывших здесь некогда поселений, как думал Обручев. Это следы раннесредневековой караванной дороги, идущей из Ургенча в западный Хорасан почти по той же трассе, по которой и сейчас пролегает караванная тропа из Хорезма в Кзыл-Арват.

Не было на Узбое агрикультуры и в античности. Вода прекратила своё течение, видимо, незадолго до начала агрикультуры в Хорезме, из что

намекают и смутные предания, рассказанные Геродотом и арабскими авторами, особенно Макдиси.

У Геродота есть сказание о реке Акес (Оке — Аму-Дарья), орошавшей принадлежавшую хорезмийцам долину и запертой неким царём в горных проходах плотинами, что привело к образованию огромного озера (явно Аральское море) и обезвоживанию ряда областей, в которых надо видеть зону Узбоа.

У Макдиси есть рассказ о древнем хорезмийском царе, повернувшем течение Аму-Дарьи, что привело к запустению древних поселений на Узбое.

А. С. Кесь пишет в своей монографии об Узбое:

«Такое изменение течения (в сторону Сарыкамыша — Узбоа) привело бы к тому, что река потекла бы по низшим отметкам дельты, оставив весь Хивинский оазис с его многочисленным населением, занимавшимся орошаемым земледелием, без воды и, следовательно, без источников существования. Ввиду этого человек искусственными мерами стремится сохранить это неустойчивое равновесие природы и тем самым, быть может, не дает возможности вновь возникнуть реке Узбою».

Эти «искусственные меры» состоят прежде всего в самом существовании системы искусственного орошения, с момента своего возникновения ставшего существенным регулятором в истории этой капризной реки, как бы закреплённой на месте трудом человека.

Создание ирригационной сети не случайно вошло в народную память как причина усыхания Узбоа. Есть все данные полагать, что именно огромный расход воды на ирригацию привёл к прекращению питания Сарыкамыша и соответствующему его усыханию.

Откуда же легенда о «повороте Аму-Дарьи» в послемонгольское время, с такой уверенностью рассказываемая Абульгази?

Ответ на это ясен. «Поворот» Аму-Дарьи действительно имел место, но не был «поворотом в Каспийское море». Это был только поворот одного из протоков Аму-Дарьи — Дарьялыка в Сарыкамышское озеро. Рассказ Абульгази относится не к Узбою, а к Дарьялыку и Сарыкамышу, Берега Дарьялыка вплоть до берега древнего Сарыкамыша представляют полный контраст с безжизненной пустыней побережий Узбоа, являя всюду следы интенсивной агрикультуры времен позднего средневековья.

В преданиях, суммированных Абульгази, спутались воспоминания о действительной заселенности долины Дарьялыка и берега Сарыкамыша, связанной с образованием в XIII веке стока части вод Аму-Дарьи в Сарыкамыш, — воспоминания об этом действительном «повороте реки на запад» — со смутными народными легендами, восходящими к доисторическим временам, и собственными впечатлениями об Узбое.

В самом деле, полёт над Узбоем лучше чем что бы то ни было может объяснить происхождение узбекской легенды. По внешнему своему виду это действительно настоящая река, как будто только вчера переставшая течь. Вода стоит в русле не только нижнего, но и среднего Узбоя, иногда на протяжении десятков километров, создавая полную иллюзию настоящей реки. Но это не река, а лишь система озер, питаемых дождевыми и снеговыми водами с Устюрта.

Видимо, не столь уж не прав был Абульгази в рассказе о заселенности Узбоя в XIV и XVI веках. Напомню его слова: «По обоим берегам Аму-Дарьи до Огурчи были пашни, виноградники и рощи. Весной жители уходили на места возвышенные; когда появлялись мухи и слепни, люди, имевшие стада, уходили к дальним колодцам, находившимся на расстоянии почти в два дневных перехода от реки. Когда же прекращался овод, они приходили опять на берега реки».

Речь идёт о кочевом туркменском населении, памятником которого остались следы пашен на дне Узбоя. Кочевья туркмен устроивались у узбойских колодцев и озер. А виноградники и рощи действительно были, но они кончались не у Огурчи, а у Сарыкамыша.

Собрав воедино страницы истории, легенды и сказания, сохранившиеся в памяти народа, и данные наших исследований, мы можем представить себе основные черты истории Узбоя. Монгольское нашествие, разрушив ирригационное хозяйство Хорезма, действительно привело к нарушению установившегося на протяжении двух тысячелетий режима нижней Аму-Дарьи. Часть не использованных на ирригацию избыточных вод прорвалась на запад, по старому руслу Дарьялыка, в Сарыкамышское озеро.

Здесь-то, на крайней западной окраине Хорезма, в конце XIII — начале XIV века возник новый очаг земледельческой и городской культуры. Подъем его был связан с той ролью, которую этой части Хорезма пришлось сыграть в экономической, политической и культурной истории золотоордынского государства.

Варвары — правители этого государства — были заинтересованы в использовании культурных традиций Хорезма в своих интересах. Нужно было строить новые города — столицы ордынских ханов на Волге. Нужно было организовать производство товаров широкого потребления и предметов роскоши для бесчисленной, нажившейся в грабительских походах ордынской знати. Нужны были, наконец, хлеб, фрукты и другие продукты земледелия.

А. Ю. Якубовский убедительно показал, что так называемая «золотоордынская культура» на деле не что иное, как культура хорезмийская, импортированная на Волгу. Все легенды о якобы высоком культурном уровне золотоордынских татар не имеют под собой никакого основания. Весь внешний блеск золотоордынских памятников — краденый, подобно тому как на военном и фискальном грабеже было основано самое существование этой реакционной, разбойничьей, полурабовладельческой, варварской державы.

Ургенч, необходимый золотоордынским ханам как основной источник этого краденого великолепия, получает возможность вновь подняться из пепла и стать ремесленным и торговым центром.

Ибн-Батута, посетивший Хорезм около 1340 года и оставивший нам свидетельство о резком сокращении заселенности в южном Хорезме, вместе с тем восхищен великолепием Ургенча и говорит о нём, как о самом большом и роскошном «из тюркских городов». Об этом свидетельствуют и археологические памятники. Большая часть великолепных памятников мусульманской церковной архитектуры Ургенча, например изумительный по изяществу мавзолей Тюрабекханым, гигантский «большой минарет» (высотой 62 метра), мавзолей Наджмеддина Кубра, относится ко времени путешествия ибн-Багуты. Мастера и художники Ургенча — резиденции ордынского князя Куглук-Тимура — развивают традиции художественной культуры Хорезма времен хорезмшахов. Однако в конце XIV века этому кратковременному подъёму Ургенча был положен конец опустошительным нашествием Тимура.

История западного, дарьялыкского Хорезма XV–XVI веков — существенный, но краткий исторический эпизод. Мы знаем, что в XVI и начале XVII века этот возникший в процессе феодального распада Хорезма обособившийся район, ставший районом особенно интенсивного смешения тюркских (туркменских и узбекских) и тюркизированных хорезмийских элементов, играет довольно крупную политическую роль. Вазир в начале XVI века является инициатором и центром народного восстания против захвативших было власть в

Хорезме персов. В Вазире первоначально укрепляется новая узбекская династия потомков Берке-султана. Распространяется господство узбеков над Хорезмом, и после этого Вазир многократно выступает в качестве конкурента Ургенча, не раз становясь резиденцией хана и столицей страны.

Однако единственный, оставивший нам описание города Вазра автор, Антони Дженкинсон, бывший здесь в 1558 году, правильно предсказал скорую гибель города и окружавшей его области: «Вода, которой пользуется вся эта страна, берётся из канав, проведённых из реки Оксуса, к великому истощению этой реки: вот почему она не впадает больше в Каспийское море, как в минувшие времена. В недалёком времени вся эта страна будет наверное разорена и станет пустыней из-за недостатка воды, когда нехватит вод Оксуса».

Постепенное возрождение разрушенной монгольским нашествием и погромами Тимура ирригационной сети южного и среднего Хорезма предопределило сокращение количества воды, питающей Дарьялык. Сначала она перестала доходить до Сарыкамыша, чем обусловлена более ранняя гибель Адака, затем резкий недостаток воды стали испытывать все районы, снабжавшиеся Дарьялыком, — не только Вазир, но и Ургенч. Требовались полная реконструкция ирригационной сети, постройка огромных магистралей, базирующихся непосредственно на главном русле Аму-Дарьи, но в исторической обстановке эпохи это было немыслимо. В XVI веке особенно сильно проявилась феодальная раздробленность Хорезма, разделенного на удельные владения узбекских царевичей, непрерывно переходящие из рук в руки при нескончаемой феодальной грызне.

Вазир влачит жалкое существование в XVII веке, продолжая оставаться, как и находящийся в глубоком упадке Ургенч, базой для недовольных феодальных элементов — претендентов на ханский престол. В то же время политический центр страны переходит в крупнейший город южного Хорезма — Хиву. Наконец, самый выдающийся из узбекских правителей Хорезма хан-историк Абульгази, осуществляя решительную политику централизации и нейтрализации оппозиционных феодалов окраин, выводит остатки населения Вазира и Ургенча в южный Хорезм, где этими переселенцами создается новый Ургенч — ныне столица Хорезмийской области Узбекской ССР, крупнейший город Хорезмского оазиса.

Так во второй половине XVII века завершается процесс запустения области Вазира — образование самых поздних по времени «земель древнего орошения» Хорезма.

Наше путешествие закончено

Работы нашей экспедиции, как и работы других коллективов советских археологов, показали полную несостоятельность представлений буржуазных историков о безысходной застойности общества древнего Востока. Наши работы показали, насколько не обоснованы претензии на то, что лишь Западной Европе присуща античная стадия исторического развития, в то время как Восток обречен тысячелетиями возвращаться в заколдованном кругу какого-то доисторического феодализма. Историк Хорезма раскрывается сейчас перед нами как история перехода от первобытно-общинного строя к античному рабовладельческому, завершающемуся около VIII–VII веков до нашей эры — примерно тогда же, когда складываются античные государства Греции, — созданием могущественного Хорезмийского государства, ведущего упорную борьбу с ахеменидской Персией, сохраняющего свою независимость в бурные годы македонского завоевания и оказывающего мощное культурное влияние на племена Восточной Европы — наших отдаленных предков.

Наша экспедиция с полной определенностью разрешила много десятилетий занимавший ученых вопрос о причинах запустения обширных, некогда орошаемых и заселенных территорий в различных странах Передней и Средней Азии. На материале Хорезма, подтверждаемом результатами экспедиций в другие районы Средней Азии, мы смогли доказать, что не в естественно-исторических причинах (как думали многие) здесь дело. Не «усыхание Средней Азии» и изменение течения реки, не наступление песков и засоление почвы объясняют это явление. Его причины коренятся в процессах социальной истории. Переход от античного к феодальному строю и сопровождающие его варварские завоевания с последующими феодальными усобицами и нашествием кочевников — вот гениально указанное Марксом и сейчас документально доказанное решение этой проблемы. А то, что разрушено человеком, им же может быть и воссоздано. И ярким свидетельством этого является история Хорезма наших дней.

Великая Октябрьская социалистическая революция вывела народы Хорезма из обусловленного катастрофами XIII–XIV столетий векового феодального застоя и колониального рабства. Новый, социалистический Хорезм, подлинный наследник великих трудовых и культурных достижений своих предков, вновь выходит на широкое

историческое поприще. Хлопкоробы, бойцы народных строек вышли на небывалую битву с пустыней.

Блестит вода и зеленеют берега канала, созданного методом народной стройки в годы Отечественной войны, протянувшегося вдоль еще несколько лет назад «мертвого» оазиса Беркут-Кала, грозные замки которого, заброшенные в VIII веке, простояли нетронутыми более 1000 лет. Сейчас у величественных стен мертвых твердынь широко раскинулись поля и постройки колхозов.

Народы Хорезмского оазиса — узбеки, туркмены, кара-калпаки, казахи — вступили в период нового, небывалого расцвета, оставляющего далеко позади самые высокие достижения античной и средневековой цивилизации Хорезма.

Хорезм стал территорией одной из великих сталинских строек коммунизма. Через «земли древнего орошения» пройдет Главный Туркменский канал, призванный победить страшную пустыню «чёрных песков». Легенды и предания о плодородных полях, садах и виноградниках на Узбое, отражающие вековые мечты народов Хорезма, в первую очередь туркменского народа, станут жизнью уже через несколько лет.

Наше путешествие закончено. Надо оглянуться на пройденный путь. И первое, на что нельзя не обратить внимания, — это неполнота наших сведений. «Летопись мертвых городов» древнего и средневекового Хорезма ещё пестрит пробелами, полна нерасшифрованных страниц. Но, пусть несовершенная, она все же существует, и мы её прочли.

Вещи ещё раз сказали своё слово там, где молчат письма.